Е II 18203

Е II 18203.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

:СТИХОТВОРЕНІЯ
:СТУДЕНТОВЪ
:ИМПЕРАТОРСКАГО С.П.Б.
:УНИВЕРСИТЕТА
:И РИСУНКИ
:АКАДЕМИСТОВЪ
:ИМПЕРАТОРСКОЙ
:АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

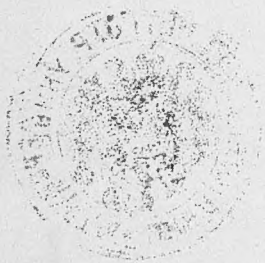
БИБЛІОТЕКА ИМП. ПЕТРОГР. УНИВЕРСИТЕТА

24 АВГ. 1917

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

393



Е II 18203.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Б. В. НИКОЛЬСКАГО

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. Е. РѢПИНА

27230

Переинв. 1950

ПРОВЕРКА 2007 г.

БИБЛІОТЕКА ИМП. ПЕТРОГР. УНИВЕРСИТЕТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1903

Асц. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

Рисунки дозволены цензурою 28 декабря 1902 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ сентябрѣ 1901 г. небольшой товарищескій кружокъ студентовъ С.-Петербургскаго Университета и Академіи Художествъ задумалъ издать отдѣльнымъ сборникомъ стихотворенія членовъ этого кружка съ иллюстраціями къ нимъ другихъ его членовъ. Подобравъ часть литературнаго матеріала, первоначальные участники обратились къ приватъ-доценту Б. В. Никольскому съ просьбою принять на себя редактированіе предполагаемаго изданія. Въ то же время многіе студенты, посторонніе кружку, стали заявлять о своемъ желаніи принять участіе въ сборникѣ. Вскорѣ число сотрудниковъ настолько возросло, что характеръ изданія перемѣнился и скромное начинаніе тѣснаго кружка пріобрѣло значеніе общестуденческаго предпріятія. Между тѣмъ къ участникамъ художественнаго отдѣла также примыкали новыя силы и по общей просьбѣ И. Е. Рѣпинъ принялъ на себя редактированіе художественнаго матеріала. Число сотрудниковъ и послѣ того продолжало возрастать, такъ что въ декабрѣ 1901 г. желаніе участвовать въ сборникѣ было заявлено почти 125 лицами. Во время самаго хода работъ по иллюстрированію число это значительно уменьшилось, но все же въ своемъ те-

перешнемъ видѣ настоящій сборникъ является какъ бы ученическою выставкою молодыхъ художественныхъ и поэтическихъ силъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга.

Съ твердымъ намѣреніемъ соблюсти правдивость, точность и полноту общей картины, редакторы безусловно воздерживались ото всякаго давленія на сотрудниковъ въ угоду своимъ личнымъ вкусамъ, симпатіямъ или образу мыслей. Ихъ задачею было, выбравъ по возможности хоть что̀ нибудь отъ каждаго участника, принять тѣ работы, въ которыхъ всего ярче сказалась его индивидуальность, совершенно независимо отъ его школы, образа мыслей и т. д., подъ единственнымъ условіемъ: чтобы все, принятое въ сборникъ, стояло не ниже того уровня художественнаго совершенства, на которомъ вообще позволительно обнародованіе. Конечно, редакторы не уклонялись при этомъ ни отъ совѣтовъ, ни отъ руководства работою тѣхъ сотрудниковъ, которые сами къ нимъ обращались, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которые ранѣе пользовались ихъ вліяніемъ или указаніями. Съ другой стороны, сдѣлавъ оговорку о низшемъ уровнѣ, редакторамъ трудно было бы поручиться и за безусловную полноту картины: въ ней конечно есть пробѣлы. Однако въ цѣломъ, на основаніи знакомства съ массою матеріаловъ, не попавшихъ въ сборникъ и даже въ него не предназначавшихся, редакторы рѣшаются утверждать, что, какъ ученическая выставка, онъ по существу довольно полно отражаетъ художественные задатки теперешней молодежи. Общество и критика получаютъ въ немъ избранный, но достовѣрный матеріалъ для заключеній и, смотря по читателю, надеждъ или огорченія.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

В. И. АННЕНСКІЙ.

Заставка, рис. М. Г. Соколова. стран.

Заснули прибрежныя ивы 3
Въ безсонницу 4

А. А. БЛОКЪ.

Заставка, рис. Д. Ѳ. Богословскаго.

Ранній часъ. Въ пути незрима 7
Чѣмъ больнѣй душѣ мятежной 8
Тихо ясные дни подошли 9

Ѳ. К. БОГРОВЪ.

Какъ рабыня любовь постучалась ко мнѣ 13
Полускрытый огонь изъ подъ дрогнувшихъ вѣкъ 14
Кѣмъ-то смятый букетъ кѣмъ-то сорванныхъ розъ 15
Современный живописецъ 16

Заставка, рис. А. И. Романа.

Эпитафія 18

И. Л. ВАРШАВСКІЙ.

Заставка, рис. Д. Ѳ. Богословскаго.

стран.

Въ открытомъ морѣ 21
Безъ руля 23

В. М. ВЕРЦЕЛУСЪ.

Заставка, рис. Г. И. Ушкова.

Передъ грозой 27
Въ альбомъ 28
Изъ царства благодати дальной 29
Ужели стремленій ко благу 30
Была весна, все жизнью трепетало 31
Вавилонская башня 32
Меня тянетъ куда-то впередъ и впередъ 33
Мечты 34

Рисунокъ Н. Н. Беккера.

Изъ слова о полку Игоревѣ 37
Плачъ Ярославны 39

Рисунокъ И. Я. Билибина.

Г. М. ЗЕГАЛЬ.

Заставка, рис. А. И. Вахрамѣева.

На высокомъ обрывѣ надъ моремъ стою 45

С. П. ИСПОЛАТОВЪ.

Заставка, рис. А. К. Кучеренко.

Ночь 49
Поэту 51
Божій храмъ золотыми огнями горѣлъ 52
Зажжена предъ иконой лампада 53

А. М. КАЙГОРОДОВЪ.

Заставка, рис. Д. О. Богословскаго. стран.

Отрывки изъ драмы Эсхила «Прикованный Прометей» 57

Концовка, рис. Д. О. Богословскаго.

Л. П. КАРСАВИНЪ

Иллюзіи... мечты... О міръ отдохновенья 75

А. К. КАТЦЪ.

Полурамка, рис. А. И. Любицкаго.

Заставка, рис. Я. Г. Гевирца.

Изъ дальняго края, съ улыбкою рая 79
Какой-то духъ во мнѣ живетъ 80

Заставка, рис. Д. Д. Агафонова.

Рѣка, серебрясь, чуть бѣжала 81

Рисунокъ Д. Д. Агафонова.

Въ тишинѣ вечерней 83

О. Я. КОБЕЦКІЙ.

Заставка, рис. А. И. Вахрамѣева.

Въ эту ночь будто громче поетъ соловей 87
Я люблю эти долгія ночи безъ сна 88
Затихъ немолчный шумъ грозы 89
Весна—и пѣсни вновь тоскливѣй стали 90

А. А. КОНДРАТЬЕВЪ.

Линейка, рис. А. И. Романа.

Рожденіе Аттиса 93

Рисунокъ Д. О. Богословскаго.

Заставка, рис. Е. М. Малешевской.

стран.

Богиня Истаръ 97
Гимнъ Таммузу 101
Гимнъ Деметрѣ 103
Царь 105
Ресъ 106

Заставка, рис. П. Д. Лютичъ (псевдонимъ).

Кто между скалъ по ущелью 107

Концовка, рис. А. И. Романа.

Буква, рис. Е. М. Малешевской.

Подражаніе 109

Заставка, рис. Н. Б. Бакланова.

Мутныя, сѣрыя волны 110

К. А. КУЛЬНЕВЪ.

Если счастье измѣнитъ тебѣ 113
Когда душа полна сомнѣній 114

Рисунокъ П. С. Горюшкина-Сорокопудова.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

Буква, рис. Д. Ѳ. Богословскаго.

Весь мой міръ упованій разбитъ 119

Ѳ. Н. МАКАРОВЪ.

Заставка, рис. М. Г. Соколова.

Струи говорливѣй холодной 123

А. Ф. МАЛИНОВСКІЙ.

Изъ Горація 127
По небу сѣрыя тучи 129

Рисунокъ А. П. Кудрявцева. стран.

Рисунокъ П. С. Горюшкина-Сорокопудова.

Лишь луна волшебница на небо взойдетъ 132

Рисунокъ К. А. Вещилова.

Х. Х. МАРШНЕРЪ.

Въ окно мое лучамъ дороги нѣтъ 137

Рисунокъ Э. Э. Лиссперъ.

Изъ легендъ пустыни 138

Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.

Изъ четверостишій персидскаго поэта Омара Хайама 142

Заставка, рис. Н. Б. Бакланова.

Разсвѣтъ 144

Б. О. МЕЙЕРЪ.

Рисунокъ Г. П. Ушкова.

Смотри, какъ чудно здѣсь: деревья молодыя 147

Осенній день, холодный, безучастный 148

Н. Е. НИДЕРМИЛЛЕРЪ.

Полурамка, рис. Я. Г. Гевирца.

Заставка, рис. Д. Д. Агафонова.

Когда съ волшебною, побѣдною красою 151

Посвящается А. Г. Браславской 152

Ѳ. К. ПАВЛОВЪ

Полурамка, рис. Н. Б. Бакланова.

Заставка, рис. Н. Б. Бакланова.

Легенда 155

Рисунокъ Д. Ѳ. Богословскаго. стран.
Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.
Рисунокъ Д. Ѳ. Богословскаго.

В. Л. ПОЛЯКОВЪ.

Рисунокъ М. П. Крошечкина.

Иду печально я, безъ цѣли, безъ стремленій 163
Румяна и бѣла, какъ юная царица 164

Заставка, рис. Я. Г. Гевирца.

Въ замкѣ 165
Въ тебѣ горитъ огонь палящій вдохновенья 167
У моря—помните-ль?—когда-то мы сидѣли 168
Тихо заря догорала 169

Заставка, рис. Н. Б. Бакланова.

Надменное, ласкающее море 170
Любовь, мечты, борьбу и славу 171
Я прежде былъ волной... Не зналъ я ни печали 172

Б. В. РѢПИНСКІЙ.

Вздымалася нива волнами 175

Заставка, рис. Н. Б. Бакланова.

Дорогой тряскою, размытою дождями 176
Багровой полосой горитъ закатъ прощальный 177

Заставка, рис. А. Д. Столярова.

Она задумчиво сидѣла у окна 178
Я измѣрилъ море наслажденій 179
Отчего ты порой молчалива 180

Л. Д. СЕМЕНОВЪ.

стран.

Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.

Отвергнутый ангелъ 183
Имъ путь ночной томителенъ и труденъ 187
Зовъ. 188
Искушенье. 189
Терцины. 190

Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.

Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.

Къ Мессіи 193
Сонеты 195

Р. Д. СЕМЕНОВЪ.

Природа спитъ тяжелымъ сномъ 199
Гаснетъ вечеръ золотистый 201

Заставка, рис. А. И. Романа.

Встарь говорили, что ночью 202

Рисунокъ К. Д. Столярова.

Небесныхъ сводовъ тьма угрюма 204

Б. С. СЕРАФИМОВЪ.

Заставка, рис. М. Г. Соколова.

Прекрасна ты о, нѣтъ сомнѣнья! 207

Е. Г. ТИКТИНЪ.

Слезы вновь томятъ и накипаютъ 211

Рисунокъ Е. М. Малешевской.

Прости мнѣ сонъ у ногъ твоихъ 221
Послѣдній сонъ меня покинулъ 213
Такъ пусто, холодно кругомъ 214

стран.
Когда, въ бездѣйственномъ покоѣ 215
Тревожной дрожью полонъ воздухъ ночи 216
Въ роскоши пестрыхъ ковровъ 217

А. О. УЛЬМАНЪ.

Рисунокъ Я. Я. Вебера.
Зимою 221
Заставка, рис. А. Д. Столярова.
Лишь только тебя я увидѣлъ 223

М. А. ФРЕНКЕЛЬ.

Заставка, рис. А. П. Вахрамѣева.
Грезы 227
Изъ Горація 228

Д. Н. ФРИДБЕРГЪ.

Къ учителямъ 231
Рисунокъ А. А. Кучеренко.
Заставка, рис. А. П. Вахрамѣева.
Осень 234

В. Н. ХРУСТАЛЕВЪ.

Рисунокъ П. С. Горюшкина-Сорокопудова.
Ты слышалъ въ часъ, когда ночная мгла 237
Концовка, рис. М. Г. Соколова.
Родного сѣвера печальная весна 239
Рисунокъ А. Н. Третьякова.
Я люблю этотъ вальсъ, этихъ паръ оживленныхъ мельканье . . 240

А. А. ЧЕРКАСОВЪ. стран.

Заставка, рис. Д. Д. Агафонова.

Въ туманѣ 243

Заставка, рис. Н. В. Бакланова.

Вы знаете старый утесъ 244

Б. Я. ШНЕЙДЕРЪ.

Весной повѣяло, цвѣтущею весною 249

Буква, рис. Н. В. Бакланова.

Крылья любви 250

Заставка, М. П. Крошечкина.

Къ морю 251

С. В. фонъ-ШТЕИНЪ.

Заставка, рис. А. И. Романа.

Не здѣсь, въ обманахъ суеты 255
Насталъ печальный день разлуки 256

Заставка, рис. А. П. Любицкаго.

Догорѣла заря золотая 257
Памяти *** 258

Линейка, рис. А. П. Романа.

Умирали цвѣты, увядая 259

Заставка, рис. Е. М. Малешевской.

Неслись чарующіе звуки 260
Поэту 261
Я былъ одинъ. Размытую дорогу 262

Рисунокъ Е. И. Годива (псевдонимъ).

Заставка, рис. А. Альбрехта.

Послѣ болѣзни 264

В. Р. ШУЛЬЦЪ. стран.

Богъ, осужденный на распятье 267

Заставка, рис. А. П. Вахрамѣева.

Опять природа оживилась 268

Концовка, рис. Я. Г. Гевирца.

II.

Д. Д. АГАФОНОВЪ.

стран.

Заставка 81
Рисунокъ 82
Заставки 151, 243

А. АЛЬБРЕХТЪ.

Заставка 264

Н. Б. БАКЛАНОВЪ.

Заставки 110, 144
Полурамка 153
Заставки 155, 170, 176, 244
Буква 251

Н. Н. БЕККЕРЪ.

Рисунокъ 37

И. Я. БИЛИБИНЪ.

Рисунокъ 40

Д. Ѳ. БОГОСЛОВСКІЙ.

Заставки 7, 21, 57
Концовка 71

стран.

Рисунокъ . . . . . .
Буква 119
Рисунки 156, 159

А. И. ВАХРАМѢЕВЪ.

Заставки 45, 87, 227, 234, 268

Я. Я. ВЕБЕРЪ.

Рисунокъ 221

К. А. ВЕЩИЛОВЪ.

Рисунокъ 133

Я. Г. ГЕВИРЦЪ.

Рисунокъ на обложкѣ и на шмуцтитулѣ передъ текстомъ.
Заставка 79
Полурамка 149
Заставка 165
Концовка 268

Е. И. ГОДИВЪ (псевдонимъ).

Рисунокъ 263

И. С. ГОРЮШКИНЪ-СОРОКОПУДОВЪ.

Рисунки 115, 132, 140, 158, 183, 191, 193, 237

М. П. КРОШЕЧКИНЪ.

Рисунокъ 161
Заставка 251

А. П. КУДРЯВЦЕВЪ.

Рисунокъ 130

А. К. КУЧЕРЕНКО. стран.

Заставка 49
Рисунокъ 232

Э. Э. ЛИССНЕРЪ.

Рисунокъ 138

А. И. ЛЮБИЦКІЙ.

Полурамка 77
Заставка 257

И. Д. ЛЮТИЧЪ (псевдонимъ).

Заставка 107

Е. М. МАЛЕШЕВСКАЯ.

Заставка 97
Буква 109
Рисунокъ 212
Заставка 260

А. И. РОМАНЪ.

Заставка 18
Линейка 93
Концовка 108
Заставки 202, 255
Линейка 259

М. Г. СОКОЛОВЪ.

Заставки 3, 123, 207
Концовка 237

*

А. Д. СТОЛЯРОВЪ. стран.

Заставки 178, 223

К. Д. СТОЛЯРОВЪ.

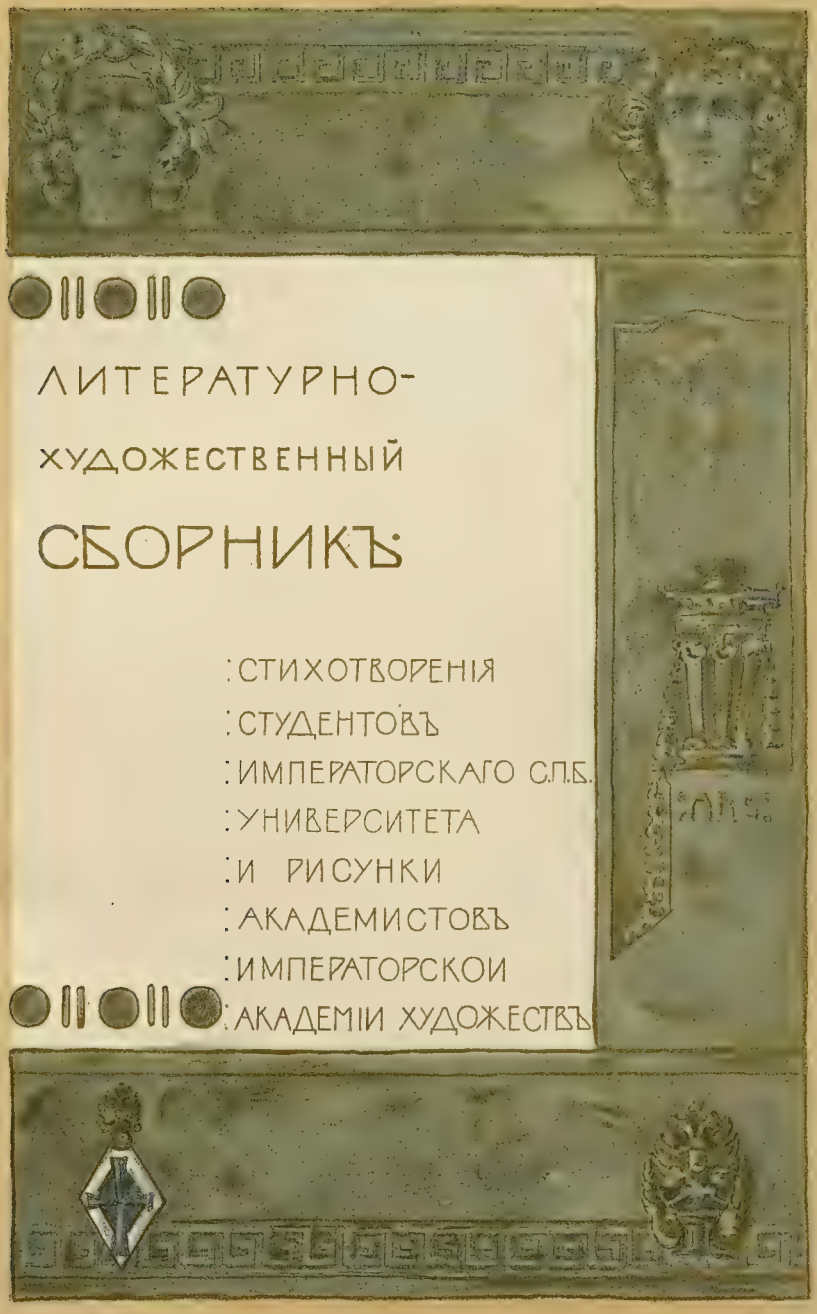
Рисунокъ 203

А. Н. ТРЕТЬЯКОВЪ.

Рисунокъ 240

Г. И. УШКОВЪ.

Заставка 27
Рисунокъ 145



ЛИТЕРАТУРНО-

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ
СТУДЕНТОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО С.П.Б.
УНИВЕРСИТЕТА
И РИСУНКИ
АКАДЕМИСТОВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

Подъ сѣнью хмурою науки,
Средь сводовъ капища сѣдыхъ,
Нѣвучихъ струнъ коснулись руки
И робко дрогнувшіе звуки
Слилися въ первый, юный стихъ.

И, въ храмъ сосѣдній залетая,
Онъ феѣ красокъ нашепталъ,
Чтобы вступила золотая
Туда, гдѣ риѳмой онъ игралъ.

Богиню пѣсня побѣдила,
Благословила красота,
И дружно въ дряхлый міръ вступила
Художествъ юная чета.

В. Верцеліусъ.

В. И. АННЕНСКІЙ

Заснули прибрежныя ивы
Въ объятьяхъ тумана сѣдого
И сонной рѣки переливы
Подъ дымкой сіянья ночного.

*

Плакучія вѣтви забылись,
Недвижны росистыя травы,
И въ сонъ тростники погрузились,
И бѣлыя дремлютъ купавы.

*

И тихо въ одеждахъ туманныхъ
Надъ берегомъ грезы витаютъ,
Гдѣ звуковъ неясныхъ и странныхъ
Аккорды невнятные таютъ.

ВЪ БЕЗСОННИЦУ.

Комнаты низкія дома стариннаго,
Рощи завѣтныя, нивы родимыя,
Дни безмятежные дѣтства невиннаго,
Невозвратимые...

Локоны русые, очи печальныя,
Дѣтскія слезы, въ разлукѣ пролитыя,—
Образы милые, образы дальные,
Полузабытые...

Въ васъ хоть ищу я себѣ оправданія,
Чистыхъ восторговъ нѣмыя волненія,
Въ васъ я ищу для больного сознанія
Якорь спасенія!

Образы милые, образы дальные,
Думы, глубоко въ душѣ затаенныя,
Вѣчно со мною вы, тихо-печальные,
Въ ночи безсонныя...

А. А. БЛОКЪ

* *
*

Ранній часъ. Въ пути незрима,
Разгорается мечта.
Плещутъ крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

—

Изъ лазурнаго чертога
Время тайнѣ снизойти.
Бѣлый ангелъ, ангелъ Бога,
Сѣетъ розы на пути.

* * *

Чѣмъ больнѣй душѣ мятежной,
Тѣмъ яснѣй міры.
Богъ лазурный, чистый, нѣжный,
Шлетъ свои дары.

*

Шлетъ невзгоды и печали,
Благостью великъ,
Но чрезъ нихъ въ иныя дали
Зоркій взглядъ проникъ.

*

И больнѣй душѣ мятежной,
Но яснѣй міры:
Это—богъ лазурный, нѣжный,
Шлетъ свои дары.

* * *

Тихо ясные дни подошли.
На деревьяхъ златые уборы.
Ночью холодомъ вѣетъ съ земли.
Утромъ бѣлая церковь вдали
Снова радуетъ ясные взоры.

—

Все поютъ и поютъ вдалекѣ.
Кто поетъ — не пойму; а казалось,
Будто къ вечеру тамъ, на рѣкѣ —
Въ камышахъ ли, въ сухой осокѣ —
И знакомая пѣснь раздавалась.

—

Только я не хочу узнавать,
Да и пѣснямъ знакомымъ не вѣрю.
Все равно, мнѣ пѣвца не понять...
Отъ себя ли скрывать
Роковую потерю?

Ѳ. К. БОГРОВЪ

* * *

Какъ рабыня любовь постучалась ко мнѣ
Поздней ночью, холодной и темной,
И молила меня подъ окномъ въ тишинѣ
Дать пріютъ ей, бѣдняжкѣ бездомной.

Но царицей она въ мои двери вошла
И владычицей слабаго міра:
Діадема надменно сверкала съ чела,
Гордый станъ облекала порфира.

И предъ гостьею царственной я онѣмѣлъ,
Мой насмѣшливый умъ затемнился:
Я рабыню изъ сердца изгнать бы сумѣлъ,
Но предъ гордой царицей — склонился!

* * *

Полускрытый огонь изъ подъ дрогнувшихъ вѣкъ,
Полустрасть, полусмѣхъ перекрестный—
Узнаетъ и любовью зоветъ человѣкъ,
Если дѣвой онъ избранъ прелестной.

—

Но остынетъ ихъ пылъ, счастье въ даль отойдетъ,
И въ рѣчахъ ихъ послышится скука,
А во взглядахъ нѣмыхъ полузлоба блеснетъ—
Полустрасть—полугрусть—полумука...

* * *

Кѣмъ-то смятый букетъ кѣмъ-то сорванныхъ розъ
Вы мнѣ дали на память небрежной рукою.
Тотъ букетъ вы дарили для мукъ и для грезъ,
Для мечтаній о васъ безъ покою,
Для подавленныхъ словъ, для удержанныхъ слезъ...

—

Время мчалося—пылъ увлеченія вами
Замѣнилъ равнодушья и скуки морозъ—
И я смогъ разглядѣть васъ иными глазами
И понять—и съ улыбкой понять—что вы сами—
Кѣмъ-то смятый букетъ кѣмъ-то сорванныхъ розъ...

* *
*

Современный живописецъ
Позабылъ творенья муки:
Пододвинется къ мольберту,
Кисть, палитру схватитъ въ руки,—
Мигомъ кончена картина,
Вмигъ наставилъ кучей кляксы,—
И сдираетъ кушъ съ невѣжды,
Благо нѣтъ на это таксы.

*

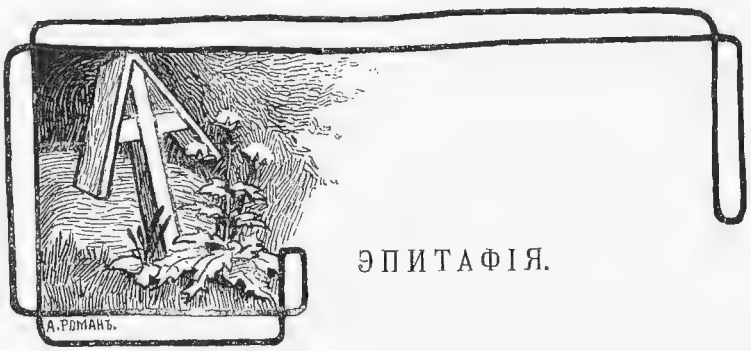
Въ годы прежніе писатель
Много думалъ надъ сюжетомъ,
Но писатель современный
Не заботится объ этомъ:
Онъ и такъ, проснувшись ночью,
Чуетъ черные напѣвы,
Слышитъ слезы голубыя,
Видитъ рѣчи рыжей дѣвы...

*

Композиторъ современный,
Чтобъ поднять на славу шансы,
Смѣло ставитъ, какъ придется,
Удалые диссонансы, —
И сидишь въ концертной залѣ,
Одуряемый каденцой,
И безъ силъ домой уходишь,
Весь разбитъ, какъ инфлуэнцой.

27232

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького



ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь тотъ, кто клячей въ жизни плелся,
Кто вызвалъ самъ себя на бой,
Съ своимъ ничтожествомъ боролся
И помирился самъ съ собой.

И. Л. ВАРШАВСКІЙ

ВЪ ОТКРЫТОМЪ МОРѢ.

И вотъ я вновь одинъ — одинъ —
Далеко отъ людей,
Своихъ желаній властелинъ
И рабъ своихъ страстей.

Зловѣще море предо мной
Темнѣетъ. Вѣтерокъ
Играетъ сонною волной.
Опасенъ и далекъ

Мой путь. Не видно береговъ,
Не слышенъ звукъ рѣчей,
И мракъ такъ полонъ дивныхъ сновъ,
Какъ взглядъ твоихъ очей.

Безбрежныхъ водъ сѣдой просторъ,
Волнуяся, бурлитъ,
Но тщетно мой смущенный взоръ
По гребнямъ волнъ скользитъ:

Волна вскипаетъ за волной,
Сливаясь въ дикій звукъ
Съ тоской души моей больной,
Напрасныхъ полной мукъ...

Такъ что жъ мнѣ въ томъ, что я одинъ,
Далеко отъ людей,
Когда, желаній властелинъ,
Я рабъ своихъ страстей?

БЕЗЪ РУЛЯ.

Сомнѣній пламенныхъ обломки —
Остатки пышныхъ кораблей —
Несутся по морю страстей...
Еще плывутъ: они не ломки,
Мечтаній юности обломки,—
Но вѣтеръ крѣпнетъ, штормъ сильнѣй...

Въ расцвѣтѣ смѣломъ юной силы
Они пустились смѣло въ путь
На встрѣчу бурь; теперь — уснуть
Они хотятъ, — но, слабы, хилы,
Надорвались былыя силы...
Пристать бы имъ куда-нибудь!

И я безъ нихъ, пѣвецъ безкрылый,
Какъ рулевой безъ корабля,
Ищу, гдѣ берегъ, гдѣ земля;
Житейскихъ волнъ пловецъ унылый,
Безъ мысли, силъ, пѣвецъ безкрылый,
Мятусь безъ вѣры, безъ руля!

В. М. ВЕРЦЕЛІУСЪ

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЮ.

Своды лазурно-прозрачные
Траурной тканью покрывъ,
Тучи сѣдыя и мрачныя
Духа стѣснили порывъ.

Скрылися воинства жаркія
Свѣтлаго солнца,—въ плѣну!..
Скоро ли молніи яркія
Мрака прорвутъ пелену?

Долго гроза собирается,
Хмурой грозя тишиной,—
Пусть ужъ скорѣй разыграется,
Грянетъ раскатъ громовой!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Не пышной внѣшностью наряда,
Не преходящей красотой,
Не смѣлой огненностью взгляда
Ты мой нарушила покой:

*

Нѣтъ,— въ мимолетной нашей встрѣчѣ,
Проплывшей сказочной мечтой,
Я между словъ ничтожной рѣчи
Успѣлъ узнать огонь святой,

*

Широкимъ взмахомъ крылъ духовныхъ
Я улеталъ далеко въ высь
И пѣсенъ низменныхъ, грѣховныхъ,
Во мнѣ всѣ струны порвались.

*

Прости,—но въ сердцѣ у поэта
Ты́ провела глубокій слѣдъ
И благотворна память эта:
Она зажгла мнѣ новый свѣтъ!

Изъ царства благодати дальной,
Гдѣ бьется ключъ воды живой,
Я урну несъ съ водой кристальной,
Того источника водой.

*

Мечталъ я влагою завѣтной
Мой освятить смиренный домъ,
Но надъ моей надеждой тщетной
Бѣды нежданной грянулъ громъ —

*

И вотъ, надъ раздробленной урной,
Съ мечтой обманутой моей,
Стою опять подъ тучей бурной
Средь безотрадныхъ пустырей.

* *
*

Ужели стремленій ко благу
Затѣмъ лишь мнѣ поданъ бокалъ,
Чтобъ, выпивъ кипучую влагу,
Пустымъ я его увидалъ?!..

Была весна, все жизнью трепетало,
И онъ любилъ глубоко, не шутя;
Но — дочь баловъ — она ему внимала
Съ улыбкою небрежной, какъ дитя.

Покрыли землю саваномъ морозы,
Въ гробу лежалъ онъ, блѣденъ, недвижимъ,
И позднія любви сверкали слезы,
Пролитыя въ раскаяньѣ надъ нимъ.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.

Кипитъ ученая работа:
Въ поту безплоднаго труда
Синклитъ мудрѣйшихъ средь болота
Снесъ груды знанія сюда.

На слоѣ хрупкаго мышленья,
На почвѣ зыбкихъ гипотезъ
Возводятъ пышныя строенья
До свода самаго небесъ.

Но народится сынъ сомнѣнья,
Смѣльчакъ невѣрящій придетъ,
Дохнетъ на тщетныя строенья —
И рухнутъ гордыя съ высотъ.

Меня тянетъ куда-то впередъ и впередъ,
Но не знаю, не вижу, куда;
А со мной рука-объ-руку время идетъ,—
Чередуясь, мелькаютъ года...

Тамъ, далеко, на краѣ земного пути
Ждетъ незримый, но властный магнитъ—
И спѣшу я къ нему, и мнѣ страшно итти,
И всесильно меня онъ манитъ.

Кто Ты? Истина? Счастье? Любовь? Или Свѣтъ?
Какъ зовутъ Тебя, Сила всѣхъ силъ?
Ты мой Богъ!—и другого подобнаго нѣтъ—
Богъ земли и небесныхъ свѣтилъ!

Не видалъ я Тебя на яву, ни во снѣ,
Но я знаю, Безвѣстный, Тебя:
Ты во всемъ, что̀ любовь порождаетъ во мнѣ,
Все, на что̀ я взираю любя!

МЕЧТЫ.

Образы легкіе рѣютъ и таютъ,
Вьются безшумно вокругъ, у стола,
То приближаются, то отлетаютъ...
Темная комната вдругъ ожила:

Вотъ у камина раскинулись воды;
Къ берегу всплывъ изъ густыхъ тростниковъ,
Ровно кружиться пошли въ хороводы
Нѣжныя тѣни живыхъ облаковъ...

Въ сердце мнѣ льются беззвучные хоры,
Слышатся пѣсни безъ словъ, безъ конца...
Смутно плывутъ, измѣняясь, узоры,
Чей-то таинственный очеркъ лица...

Кажется мнѣ, что знакомы видѣнья,
Только припомнить именъ не могу;
Хочешь вглядѣться,— но легче мгновенья
Ихъ замѣнили другія въ кругу...

Образы рѣютъ и таютъ въ туманѣ,
То подойдутъ, то отступятъ назадъ...
Рядомъ, у стѣнъ, у окна, на диванѣ,
Гости эѳирные тихо скользятъ...

ИЗЪ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ».

Отъ разсвѣта до заката
И всю ночь до свѣта вновь
О шеломы бьютъ булаты
И течетъ по саблямъ кровь.
Съ свистомъ воздухъ прорѣзая,
Стрѣлъ каленыхъ тьмы летятъ,
Копья крѣпкія трещатъ
Въ половецкомъ дальнемъ краѣ.
Пашню взрылъ ударъ копыта,
Сѣялъ бой ее костями—
И взошли онѣ слезами,
Кровью жаркою политы...
Что̀ шумитъ? Что̀ звенитъ
Тамъ вдали предъ зарей?—
То князь Игорь трубитъ
Возвращенье на бой:
Жаль разстаться ему съ милымъ братомъ,—
Еще Всеволодъ блещетъ булатомъ!..
Они бились день,
Они бились другой,

Къ полудню въ третій день
Палъ ихъ стягъ золотой:
Тамъ разлука князей ожидала,
На брегахъ быстрокрылой Каялы,
Тамъ имъ крови-вина не достало,
Тамъ докончили русичи грохотъ пировъ,
До-пьяна напоили желанныхъ сватовъ
И костьми полегли
Въ славу русской земли...
Никнетъ въ скорби трава и безъ силы
Долу дерево вѣтви склонило...

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Съ дальней отчизны по во́лнамъ Дуная
Скорбная пѣснь Ярославны слышна.
Тамъ, одинокой кукушкой стеная,
Плачется рано по утру она:
«Я на Дунаѣ зегзицею встану,
«Быстро къ Каялѣ рѣкѣ полечу,
«Тамъ свой бобровый рукавъ омочу,
«Князю имъ вытру кровавую рану!..»
Утромъ, какъ только зарница займется,
Въ градѣ-Путивлѣ съ высокой стѣны
Чья-то печальная пѣснь раздается,—
То Ярославны стенанья слышны:
«Вѣтеръ-вѣтрило! къ чему же ты снова
«Вѣешь упорно мнѣ на́ сердце страхъ?
«Мчишь почему ты на войско милова
«Ханскія стрѣлы на легкихъ крылахъ?
«Мало ль ты въ высяхъ подоблачныхъ рѣялъ
«Иль на моряхъ помогалъ кораблю?
«Что́ же безжалостно такъ ты развѣялъ
«Счастье мое по травѣ-ковылю?...»

И. БИЛИБИНЪ. 1902.

Утромъ, какъ только заря засверкаетъ,
Въ градѣ-Путивлѣ съ высокой стѣны
Чьи-то печальныя пѣсни слышны,—
То Ярославна въ слезахъ причитаетъ:
«Днѣпре-Словутичъ! ты камня громады
«Мощно въ землѣ Половецкой пробилъ,
«Ты на себѣ Святослава насады
«Вплоть до похода Кобяка хранилъ,—
«Нынѣ услышь, господинъ, мое слово:
«Друга-милова примчи мнѣ скорѣй,
«Чтобы по у́тру въ разлукѣ моей
«Слезъ мнѣ не слать ему на море снова!..»
Утромъ, какъ только зарница займется,
Въ градѣ-Путивлѣ съ высокой стѣны
Чья-то печальная пѣсня несется,—
То Ярославны стенанья слышны:
«Ты, о пресвѣтлое неба Свѣтило!
«Всѣмъ шлешь ты милость въ сіяніи дня,—
«Въ гнѣвѣ на что́ жъ ты жестоко спалило
«Войско милова стрѣлами огня,
«Мукою жажды въ степи ихъ сковало,
«Лукъ натянуть не давая имъ силъ,
«Черной печалью колчаны заткало?
«Чѣмъ, господинъ, тебя князь прогнѣвилъ?...»

Г. М. ЗЕГАЛЬ

А ВЫСОКОМЪ обрывѣ надъ моремъ стою.
Море шумное стонетъ и бьется.
Въ безпредѣльную темную даль я смотрю
И на волю душа моя рвется.

*

Я гляжу, какъ играетъ волною волна,
И томитъ меня жажда познанья,
И тревогою пылкою дума полна,
И ясна мнѣ душа міровданья.

*

Мнѣ безбрежная бездна мила, дорога,—
Такъ и тянетъ въ шумящее море!
Далеко улетѣла больная тоска,
Съ плечъ скатилось тяжелое горе...

*

Но, увы, опьяняло не долго меня
Бушеванье мятежной пучины
И не долго звучала живая струна
Изъ подъ горькаго гнета кручины!

С. П. ИСПОЛАТОВЪ

Надъ міромъ ночь давно царитъ глухая:
И мѣсяца не видно изъ-за тучъ,
И лишь одна звѣзда горитъ, мигая,—
Но скоро тьму разсѣетъ солнца лучъ.

Весь міръ уснулъ до новаго разсвѣта,
Въ глубокомъ снѣ волненья дня забылъ,
И часъ зари еще не наступилъ.
Я жадно жду во тьмѣ дневного свѣта.

*

Глухая ночь. И только надъ землей
Лишь вѣтерокъ прохладною струей
Живительно промчится предразсвѣтный,

*

Да поблѣднѣлъ какъ будто бы востокъ...
Все тотъ же мракъ, но день ужъ недалекъ,—
И онъ придетъ, ликующій, привѣтный!

ПОЭТУ.

Какъ счастливъ ты, поэтъ! Во дни страданій
Ты безъ друзей своихъ не одинокъ:
Съ тобой твой даръ, краса твоихъ созданій
И счастья нерушимаго залогъ.

*

Ты отъ Творца и Бога мірозданья
Свой даръ творить недаромъ получилъ,
Гармоніи небесной подражанья
Недаромъ Онъ законъ тебѣ открылъ:

*

Онъ надъ людьми душой тебя поставилъ,—
Храни же ты завѣтъ Его святой,
Моли, чтобъ Онъ твой жизни путь направилъ,

*

Да внемлетъ жадно родъ тебѣ людской,
Да примиришь ты пѣснію живою
Людей съ Творцомъ и правдою родною.

* *
*

Божій храмъ золотыми огнями горѣлъ
И, клубясь, ѳиміамъ ароматный
Легкой дымкой подъ куполъ церковный летѣлъ,
А Спаситель съ иконы мнѣ въ душу глядѣлъ,
Взоромъ даруя миръ непонятный.

Съ этимъ миромъ въ душѣ я о мірѣ молилъ,
О спасеньи и счастіи міра,
И о тѣхъ, кого я такъ люблю и любилъ,
И за тѣхъ, кого Богъ, отозвавъ, поселилъ
За предѣломъ земного эѳира.

И лились благодатныя слезы изъ глазъ,
Я бесѣдовать могъ съ небесами,
И такъ ясно мнѣ было въ тотъ сладостный часъ,
Въ тотъ торжественный часъ, что блаженство для насъ—
Это плакать такими слезами!

* *
*

Зажжена предъ иконой лампада,
Загорѣлася въ сердцѣ мольба,
И мнѣ счастія больше не надо,
Не страшна никакая судьба.

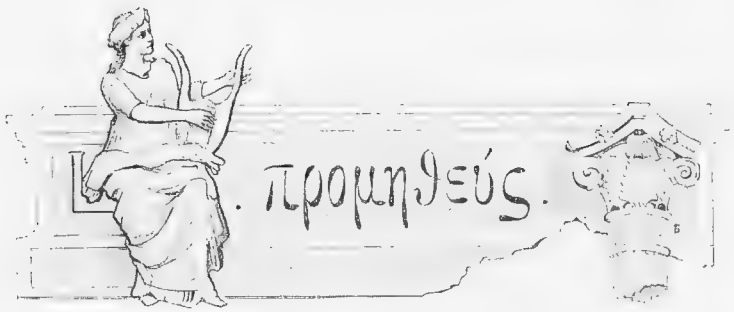
—

Коль не сбудутся сердца желанья,
Коль солгутъ молодыя мечты,
Стану вѣрить, что Царь міроздавья
Душу спасъ отъ земной суеты...

—

Разгорается ярче лампада,
Разгорается жарче мольба,
И другого мнѣ счастья не надо,
Не милѣй никакая судьба.

А. М. КАЙГОРОДОВЪ



ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМЫ ЭСХИЛА

«ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ».

I.

СЦЕНА II.

ПРОМЕТЕЙ [одинъ].

Эѳиръ священный! Вѣтеръ легкокрылый!
Истоки рѣкъ! Безчисленныя волны,
Морей земныхъ волнующія гладь!
О ты, земля, обильная плодами!
Ты, свѣтлый ликъ всевѣдущаго солнца!
Васъ всѣхъ зову: взгляните всѣ на бога,
Безжалостно казнимаго богами!
Вы видите, какимъ мученьямъ страшнымъ
Я обреченъ на тысячи вѣковъ,

Что̀ изобрѣлъ боговъ владыка новый,
Чтобы навѣкъ предать меня позору!
О, горе мнѣ! Теперешній свой жребій
И будущій оплакиваю я!
Придешь ли ты, конецъ моихъ мученій?
Но что́ же я! Вѣдь будущаго тайна,
Какъ отъ другихъ, не скрыта отъ меня!
Нѣтъ, съ твердостью все вытерпѣть я долженъ:
Вѣдь отъ судьбы не скроется никто!
. . . . . .
Я долженъ молча року покориться,
Но не могу, не въ силахъ я молчать:
Несчастный я! За что̀ я такъ страдаю?
Вѣдь лишь за то, что даръ небесный людямъ
Я сообщилъ и осчастливилъ ихъ!
Струю огня изъ мѣста зарожденья
Я въ тростникѣ пустомъ принесъ на землю—
И этотъ даръ неоцѣнимъ для смертныхъ:
Онъ научилъ ихъ промысламъ, искусствамъ,
И сталъ для нихъ источникомъ всѣхъ благъ.
И вотъ теперь, за это преступленье,
Страдаю я, окованный цѣпями...
О горе мнѣ!
Но что̀ за звукъ внезапный,
Неясный шумъ вдругъ до меня донесся?..
Кого-то онъ предвозвѣщаетъ мнѣ,—
Героя, человѣка или бога?
Кто близится къ пустынному утесу
И что̀ за цѣль влечетъ его сюда?
Идетъ ли онъ, чтобъ надо мной глумиться,

Иль состраданьемъ движимый? Пускай же,
Пусть взглянетъ онъ на страждущаго бога,
Навлекшаго вражду владыки Зевса
И всѣхъ боговъ, живущихъ на Олимпѣ,
Лишь потому, что онъ любилъ людей!
Но что̀ за шумъ все громче раздается?
Я слышу шелестъ крыльевъ птичьей стаи...
Кто бы ни шелъ, онъ страхъ внушаетъ мнѣ!

СЦЕНА III.

Хоръ Океанидъ на крылатой колесницѣ. Прометей.

ХОРЪ.

Не бойся напрасно: мы дружной толпою
Въ крылатой повозкѣ къ тебѣ принеслись,
Мы отчее сердце смягчили мольбою,
Къ намъ быстрые вѣтры въ повозку впряглись.
И молота звуки, до насъ долетая,
Въ подводное царство, вселили въ насъ страхъ,
И мы безъ сандалій, про стыдъ забывая,
Къ тебѣ прилетѣли на быстрыхъ крылахъ!

ПРОМЕТЕЙ.

О дочери Тефиды многодѣтной
И древняго владыки Океана,
Катящаго неутомимо волны
Вокругъ земли, взгляните на меня!
Взгляните всѣ! Окованный цѣпями,
Средь этихъ горъ, на стражѣ незавидной,
Я безъ конца томиться осужденъ!

ХОРЪ.

О горе! Грудь тѣснятъ рыданья
И льются слезы изъ очей!
Терзаютъ насъ твои страданья
Въ цѣпяхъ позорныхъ, Прометей!
Замѣтно, что владыка новый
Олимпомъ началъ управлять:
Свои законы Зевсъ суровый
Сталъ самовластно примѣнять —
И гибнетъ все, что̀ прежде было
Въ расцвѣтѣ мужества и силы!

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай бы онъ низвергъ меня подъ землю,
Въ бездонный Тартаръ, подъ Аидомъ мрачнымъ,
Страной тѣней, раскинувшій свой зѣвъ,
Сковавъ меня тяжелыми цѣпями,—
Пускай: зато ни смертный, ни безсмертный
Тогда бъ не могъ глумиться надо мной!
Увы, теперь, игрушка непогоды,
Я мучусь здѣсь, и на мои страданья
Мои враги, злорадствуя, глядятъ!

ХОРЪ.

Ужель забыла состраданье
Боговъ безсмертная семья?
Нѣтъ, въ ихъ сердцахъ негодованье,
Ихъ возмущаетъ казнь твоя!

Лишь Зевсъ, не зная сожалѣнья,
Весь міръ преслѣдуетъ враждой!
Не стихнетъ пламя раздраженья,
Пока бразды его правленья
Не вырветъ хитростью другой!

ПРОМЕТЕЙ.

Хоть скованъ я тяжелыми цѣпями,
Но все-таки безсмертныхъ повелитель
Еще во мнѣ почувствуетъ нужду:
Одинъ лишь я могу ему повѣдать
Въ подробности про заговоръ опасный,
Который власть изъ рукъ его похититъ.
Но тщетны будутъ всѣ его попытки
Смягчить меня: я тайны не открою,
Я не склонюсь на вкрадчивыя рѣчи,
Не устрашусь угрозами и гнѣвомъ,
Пока съ меня онъ этихъ узъ не сниметъ
И мой позоръ не смоетъ безъ слѣда!

ХОРЪ.

Твой духъ могучъ и къ подчиненью
Тебя не склонитъ грозный рокъ:
Въ лицо врагу ты безъ смущенья
Бросаешь дерзостный упрекъ.
А мы,—мы трепетомъ объяты
При видѣ участи твоей...
Придетъ ли онъ, тотъ день, когда ты

Стряхнешь позорный гнетъ цѣпей?
Вѣдь Зевсъ не знаетъ снисхожденья,
Ни состраданья, ни прощенья!

ПРОМЕТЕЙ.

Извѣстно мнѣ, что Зевсъ суровъ и грозенъ,
Что справедливость въ жертву онъ приноситъ
Своимъ страстямъ, но все же я надѣюсь,
Что онъ смягчитъ упорную вражду,
Провѣдавши про заговоръ опасный
На власть свою. Суровый гнѣвъ утихнетъ
И руку мнѣ въ знакъ мира онъ протянетъ:
Тогда лишь я подамъ ему свою!

II.

СЦЕНА V.

Прометей и хоръ.

ХОРЪ.

Насъ терзаетъ твой жребій суровый
И страданья твои, Прометей,
И на влажныя щеки готовы
Хлынуть слезы изъ нашихъ очей!
Своевольною властью суровою
Зевсъ караетъ безсмертныхъ боговъ
И во прахъ предъ державою новою
Древній міръ простереться готовъ.
Твоей судьбою пораженный,
Кругомъ рыдаетъ цѣлый міръ:
Низвергнутъ волей непреклонной
Людей прославленный кумиръ!
Судьбы велѣнья неизмѣнны,
Титановъ родъ погибъ въ борьбѣ!
Народы Азіи священной
Полны участія къ тебѣ,

И дѣвы пламенной Колхиды,
Которыхъ радуетъ война,
И у далекой Меотиды
Суровыхъ скиѳовъ племена;
Арабы горестно рыдаютъ,
Друзья губительной войны,
И тѣ, что̀ копьями сверкаютъ,
Кавказа дикаго сыны.
Донынѣ одному Атланту
Такую казнь послалъ Зевесъ:
Онъ присудилъ держать гиганту
Громаду тяжкую небесъ.
Подъ страшной ношей изнывая,
Могучій нѣкогда, Титанъ
Страдаетъ, стоны издавая,
И вторитъ имъ волна морская,
И вторитъ бурный океанъ.
Какъ громъ тѣ стоны отдаются
Во мракѣ Ада, подъ землей,
И съ тихимъ стономъ рѣки льются,
Журча прозрачною струей.

ПРОМЕТЕЙ.

Не думайте, что изъ высокомѣрья
Иль изъ презрѣнья къ вамъ я смолкъ внезапно,—
О нѣтъ, не потому: мнѣ слишкомъ больно,
Невыносимо видѣть свой позоръ!
А между тѣмъ, кто, какъ не я, виновникъ
Могущества, и почестей, и силы

Теперешнихъ властителей? Но, впрочемъ,
Оставимъ это. Не зачѣмъ мнѣ снова
То повторять, что̀ вамъ уже извѣстно.
Я разскажу вамъ лучше о невзгодахъ,
Которыя переносили люди,
О томъ, какъ я разумными ихъ сдѣлалъ
И къ жизни изъ ничтожества призвалъ.
Объ нихъ я отзываюсь такъ не съ тѣмъ, чтобъ
Унизить ихъ, а чтобъ вамъ ясно стало,
Какую цѣль поставилъ я себѣ.
Хотя даны имъ были слухъ и зрѣнье,
Но ни цвѣтовъ, ни звуковъ не умѣли
Распознавать они. Всю жизнь свою
Они блуждали словно привидѣнья,
Не сознавая ясно ничего.
Не знали люди каменныхъ строеній,
Домовъ просторныхъ, свѣтлыхъ не имѣли,
Но въ глубинѣ пещеръ, сырыхъ и темныхъ,
Какъ муравьи жизнь жалкую вели.
Они найти различья не умѣли
Между зимой, цвѣтущею весною,
И плодоноснымъ лѣтомъ. Безъ сознанья
Все дѣлали они. Но я движенья
Ночныхъ свѣтилъ имъ объяснилъ законы,
Я изобрѣлъ для нихъ науку чиселъ,
Безцѣнную науку, и придумалъ
Систему буквъ для чтенья и письма;
Я одарилъ ихъ памятью, великой
Царицей музъ, основою всѣхъ знаній;
Я первый подъ ярмо подвелъ животныхъ

Для службы людямъ при трудѣ тяжеломъ,
Я въ колесницы впрягъ коней могучихъ,
Которыми гордятся богачи,
И до меня никто не догадался
Спустить на волны парусное судно.
И это все я изобрѣлъ для смертныхъ,
А для себя, несчастный, не умѣю
Изобрѣсти какой-нибудь исходъ!

ХОРЪ.

Страданьемъ тяжкимъ удрученный,
Молчитъ твой прозорливый умъ:
Какъ врачъ, болѣзнью пораженный,
Подъ гнетомъ безотрадныхъ думъ
Ты тщетно ищешь облегченья,
Во тьмѣ блуждая безъ пути,
И страстно жаждешь исцѣленья,
Не зная, какъ себя спасти!

ПРОМЕТЕЙ.

Но выслушайте дальше. Я увѣренъ,
Что удивитесь вы еще сильнѣе,
Узнавъ, какимъ искусствамъ новымъ смертныхъ
Я научилъ, что̀ изобрѣлъ для нихъ.
Начну съ важнѣйшаго: они сначала
Понятья не имѣли о лѣкарствахъ,
О жидкостяхъ цѣлебныхъ, о составахъ,
И въ случаѣ болѣзни не умѣли
Помочь себѣ. Но я ихъ научилъ

Употреблять спасительныя средства
И исцѣлять съ ихъ помощью недугъ.
Затѣмъ я познакомилъ ихъ съ гаданьемъ
По вѣщимъ снамъ, по темному значенью
Случайныхъ словъ и по нежданнымъ встрѣчамъ;
Открылъ имъ, какъ гадать по хищнымъ птицамъ,
Которыя изъ нихъ приносятъ счастье,
Которыя несчастье и бѣду;
Совѣтовалъ слѣдить за ихъ питаньемъ,
Запоминать, летятъ ли птицы стаей,
Дерутся ли, иль вьютъ себѣ гнѣздо;
Я указалъ, какъ внутренности можно
Здоровыми назвать, какого свойства
Должна быть желчь, чтобы богамъ была
Пріятна жертва, и каковъ бываетъ
Различный цвѣтъ у печени животныхъ;
Затѣмъ, покрывши жиромъ части жертвы,
Я сжегъ ее и положилъ начало
Гаданью по священному огню,
Имъ до сихъ поръ невѣдомому вовсе;
Вотъ что̀ я сдѣлалъ! Сверхъ того, кто можетъ
Похвастаться, что до меня открылъ онъ
На пользу людямъ золото, желѣзо,
Мѣдь, серебро, сокрытыя въ землѣ?
Никто, надѣюсь, если не захочетъ
Сказать неправду! Словомъ, всѣ искусства,
Всѣ промыслы далъ людямъ Прометей!

ХОРЪ.

Забудь къ землѣ расположенье,
Помысли о своемъ спасеньи,
Оставь безплодныя мечты!
Мы вѣримъ, что настанетъ время,
Когда, цѣпей стряхнувши бремя,
Зевесу равнымъ станешь ты.

ПРОМЕТЕЙ.

Не такова судьбы всесильной воля:
Еще я долженъ тысячи мученій
И тысячи ужаснѣйшихъ страданій
Перенести, чтобъ снять съ себя оковы.
Законъ судьбы ничѣмъ не отвратить.

ХОРЪ.

Скажи намъ, кто судьбою управляетъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Злопамятныя фуріи и парки.

ХОРЪ.

Ужели Зевсъ имъ уступаетъ силой?

ПРОМЕТЕЙ.

Уступитъ онъ тому, что̀ суждено.

ХОРЪ.

Что̀ жъ суждено ему, какъ не на вѣки
Владыкой быть?

ПРОМЕТЕЙ.

Объ этомъ не пытайтесь
Разузнавать: я не открою вамъ.

ХОРЪ.

Навѣрное, ты тайну роковую
Отъ насъ скрываешь!

ПРОМЕТЕЙ.

Перемѣнимъ лучше
Нашъ разговоръ: теперь еще не время
Вамъ говорить о томъ, что̀ долженъ я
Хранить пока въ строжайшей тайнѣ. Если
Я сохраню ее, то мнѣ удастся
Изъ этихъ узъ современемъ спастись.

ХОРЪ.

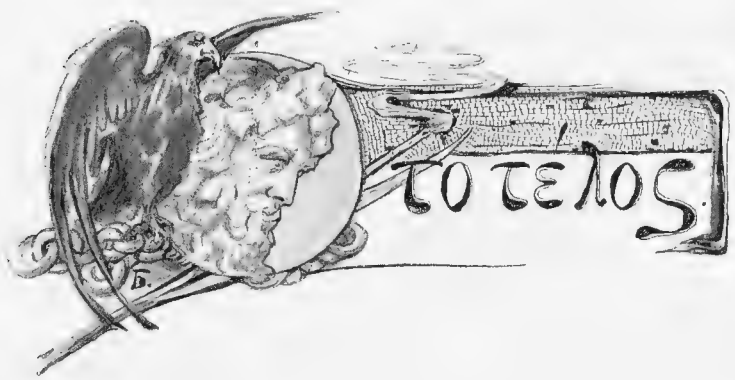
Пусть никогда отецъ вселенной
На насъ свой гнѣвъ не обратитъ,
Пусть до семьи боговъ блаженной
Молитва наша долетитъ,
Когда, при звукахъ пѣснопѣнья,
У шумныхъ волнъ родной рѣки
Падутъ для жертвоприношенья
Въ ихъ честь закланные быки!

Завѣтъ боговъ, завѣтъ священный,
Мы свято въ сердцѣ сохранимъ
И даже мыслью дерзновенной
Своей души не осквернимъ.

Блаженъ, въ надеждѣ средь лишеній
Оплотъ умѣющій найти,
Блаженъ, кто мирныхъ наслажденій
Искалъ на жизненномъ пути!

Но горе намъ! Твои страданья
Намъ страшно видѣть, Прометей:
Увлекся ты своимъ призваньемъ
И гибнешь самъ изъ-за людей.
Они ни дѣломъ, ни словами
Не облегчатъ судьбы твоей,—
Ихъ сотворилъ Зевесъ рабами
И имъ не снять твоихъ цѣпей.

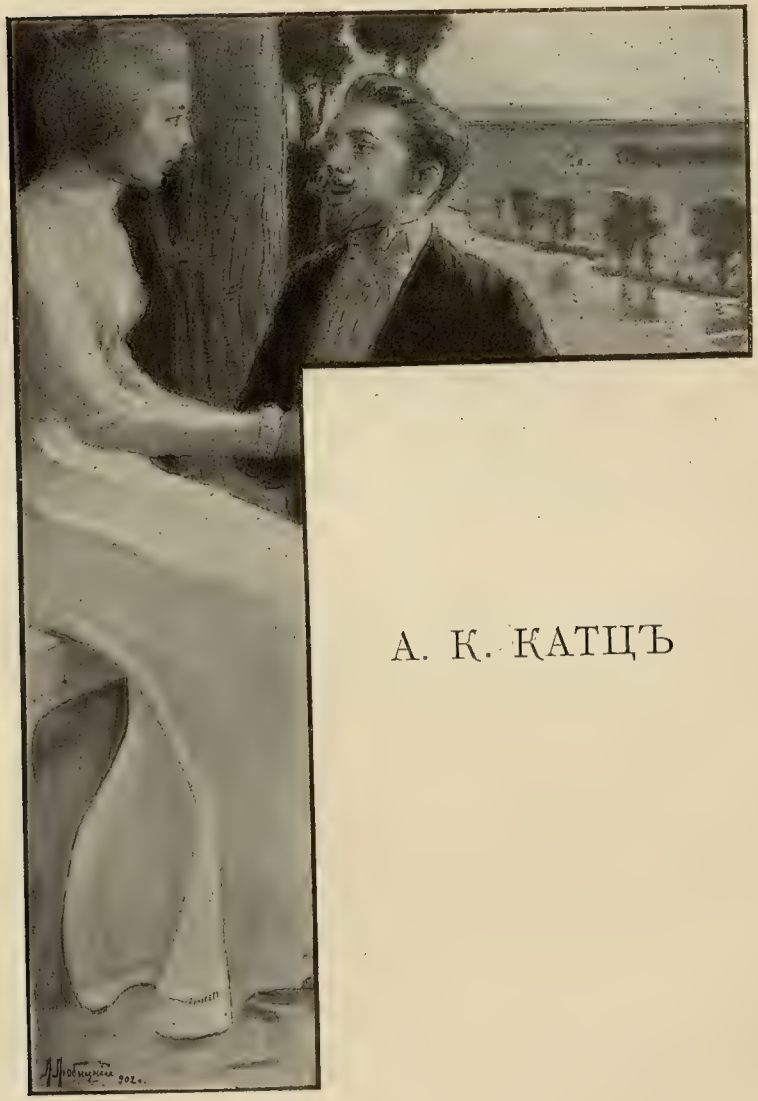
Какъ не похожа пѣснь печали
На звуки пѣсни хоровой,
Когда мы громко прославляли
Союзъ твой съ нашею сестрой,
Когда изъ отческаго лона,
При блескѣ свадебныхъ огней,
Вошла младая Гесіона
Въ твой домъ подругою твоей!



Л. П. КАРСАВИНЪ

* * *

Иллюзіи... мечты... О міръ отдохновенья,
О свѣтлый міръ, погибнешь скоро ты:
Въ моей душѣ гнѣздятся ужъ сомнѣнья
И вѣстниковъ суровыхъ разрушенья
Уже всплываютъ грозныя черты...
Но если, дивный міръ, теперь погибнешь ты,
И безъ тебя мнѣ жизнь пустыней станетъ,
И слабый духъ какъ прежде не воспрянетъ
Къ тебѣ опять —
Иллюзіи! Мечты!



А. К. КАТЦЪ

Изъ дальняго края, съ улыбкою рая,
Въ красивыхъ нарядахъ, съ надеждой во взглядахъ,
Весна молодая, звеня и сверкая,
Стремится.

*

И жизни царицу, весну чаровницу,
И пѣсней, и пляской, и грезой, и сказкой
Въ дворцахъ и темницахъ съ весельемъ на лицахъ
Встрѣчаютъ,

*

И тягость сомнѣній, и муки томленій,
И бремя невзгоды за тяжкіе годы
Сердца въ умиленьи, въ блаженномъ забвеньи,
Скрываютъ.

Какой то духъ во мнѣ живетъ,
Духъ мрачной злобы, страсти геній:
Онъ сердце мнѣ дыханьемъ жжетъ
Иль топитъ въ пропасти сомнѣній...

О, помогите мнѣ, друзья,
Отъ духа злобы отрѣшиться:
Хочу любить и вѣрить я
И съ вѣрой пламенно молиться!

ѢКА, серебрясь, чуть бѣжала,
Чуть слышно катила струи,
И пѣснь соловья рокотала,
И въ очи глядѣлъ я твои.

*

Въ нихъ были и слезы разлуки,
И свѣтлое счастье вдвоемъ,
А пѣсни волшебные звуки
Зажгли мое сердце огнемъ.

*

Уста мои ждали лобзанья,
Лобзанья и ласки твоей,
И робко шепталъ я признанья,
И громко ихъ пѣлъ соловей.

* * *

Въ тишинѣ вечерней
Колоколъ соборный пѣлъ призывнымъ звономъ,
Мирною вечерней
Шумный день вѣнчая въ сердцѣ утомленномъ.

—

Къ темнымъ сводамъ храма
Звуки пѣснопѣній радостно взлетали,
Въ дымкѣ ѳиміама
Свѣчи восковыя трепетно сіяли.

—

Сумрачныхъ томленій,
Горькаго раздумья были чужды груди
И, склонивъ колѣни,
О благоволеньи пѣли Богу люди.

О. Я. КОБЕЦКІЙ

Въ эту ночь будто громче поетъ соловей
И недвижнѣй деревья стоятъ,
Молодая луна будто свѣтитъ яснѣй
И сирени сильнѣй ароматъ,

—

Въ эту ночь на тебя я молюсь горячѣй,
Горячѣй и сильнѣе любя,
И сплелся изъ фантазіи нѣжныхъ лучей
Свѣтозарный покровъ для тебя.

Я люблю эти долгія ночи безъ сна
И въ мозгу эту острую боль,—
Я люблю ихъ, какъ любитъ тѣ скалы волна,
О которыя бьется она.

*

Послѣ нихъ на душѣ и вольнѣй, и свѣтлѣй,
Послѣ нихъ больше хочется жить,
Больше хочется радостныхъ, солнечныхъ дней
И молитва живѣй и теплѣй.

*

Такъ, лишь спустится съ горъ ихъ туманный нарядъ,
Какъ на нихъ уже новый уборъ,
И прекраснѣй, и ярче ихъ краски горятъ,
И сильнѣй онѣ радуютъ взоръ.

* * *

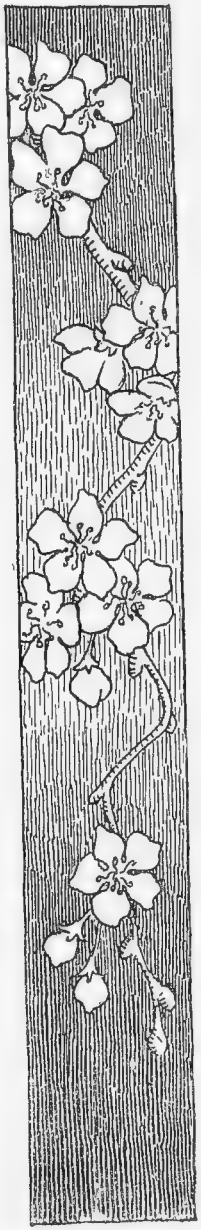
Затихъ немолчный шумъ грозы,
Исчезли съ неба волны тучъ
И въ капляхъ дождевой слезы
Дробится ярко солнца лучъ.
Звучнѣе пѣснь гремитъ въ листвѣ,
Умылся, освѣжился день
И отъ деревьевъ на травѣ
Ложится ярче, рѣзче тѣнь.
И дышитъ грудь опять бодрѣй,
И грусть отхлынула волной,
На жизнь опять я веселѣй
Гляжу съ надеждою былой,
И, освѣжась, усталый умъ
Живѣй работы проситъ вновь,
И, отрѣшась отъ тяжкихъ думъ,
Свѣтлѣй горитъ моя любовь.

* * *

Весна — и пѣсни вновь тоскливѣй стали,
И грусти вдругъ нахлынула волна,
И муза вновь невѣдомой печали,
Томленья страннаго полна,

И въ даль опять стремится голубую,
И проситъ вновь и счастья, и весны,
И вновь зоветъ къ поэту жизнь иную,
Иные, радостные сны.

А. А. КОНДРАТЬЕВЪ



РОЖДЕНІЕ АТТИСА.

(Фригійская легенда).

У Сангара рѣки во Фригійской землѣ,
Надъ серебряной, свѣтлой волной,
На миндальныхъ вѣтвяхъ распустились въ теплѣ
Лепестки ароматной весной.

*

И шептали цвѣты, наклонившись къ водѣ:
«Наше дерево жизни полно!
«Нѣтъ на свѣтѣ подобныхъ деревьевъ нигдѣ:
«Родилось отъ богини оно.

*

«Наше дерево дивную тайну хранитъ,
«Что̀ повѣдана въ мірѣ лишь намъ,
«И открыть намъ велѣлъ нашъ отецъ Агдистидъ
«Эту тайну однимъ лишь плодамъ».

*

И подслушала ихъ дочь Сангара рѣки,
Эти рѣчи миндальныхъ цвѣтовъ,
И всю ночь умоляла она лепестки
Ей повѣдать о тайнѣ боговъ.

*

Но душисто молчали цвѣты миндаля
Въ эту теплую вешнюю ночь
И напрасно взывала, прося и моля,
Къ нимъ Сангара прелетная дочь.

*

Но цвѣты отцвѣли. У завѣтной воды,
Агдистидову тайну храня,
Наливаются соками жизни плоды,
Отягченныя вѣтви клоня.

*

Въ часъ прохлады ночной разступилась волна
И изъ сонныхъ, тоскующихъ водъ
Дочь Сангара выходитъ, желаній полна,
И срываетъ таинственный плодъ.

*

О, какъ сладостенъ трепетной дѣвѣ онъ былъ,
Какъ блаженно вздыхала она,
Какъ побѣдно ей жизни таинственныхъ силъ
Разливалась по тѣлу волна!

*

Ей казалось, что въ чащѣ миндальныхъ вѣтвей
Чудный голосъ ей что-то шепталъ,
Кто-то, близкій и милый, склонившись надъ ней,
Ей стыдливое тѣло ласкалъ...

*

Не вернулася нимфа къ Сангару рѣкѣ
На прохладное мягкое дно,
Но въ ущелья ушла, и отъ всѣхъ вдалекѣ
Ею было дитя рождено.

*

Синеокій малютка родился у ней,—
Имя Аттиса мальчикъ носилъ,—
Сынъ, зачатый подъ сѣнью миндальныхъ вѣтвей,
Плодъ таинственныхъ жизненныхъ силъ.

* *
*

Аттисъ, свѣтлой печалью тоскующій богъ,
Ты, блаженство и радость людей!
Изъ колючей сосны ты надвинулъ вѣнокъ
На руно шелковистыхъ кудрей,

*

Отразилося небо во взорѣ твоемъ,
Что́ то давишь ты легкой пятой
И бѣгутъ по ногамъ твоимъ алымъ ручьемъ
Струйки крови одна за другой...

*

Ты стоишь уже выше страстей и тревогъ,
Смытыхъ теплою кровью твоей,
Аттисъ, свѣтлой печалью тоскующій богъ,
Избавленье и радость людей!

БОГИНЯ ИСТАРЪ.

Въ царствѣ мрака, печали и тлѣнія
Я, богиня, схожу, темноокая:
За смертельную боль оскорбленія
Отомстить порѣшила жестоко я.
Полюбила владыку я славнаго —
Издубара, героя могучаго:
Мужа нѣтъ ни въ борьбѣ ему равнаго,
Ни въ охотѣ средь лѣса дремучаго.

И обвѣяна легкою дымкою,
Озаренная луннымъ сіяніемъ,
Я спустилась къ нему невидимкою,
Вся сгорая любовнымъ желаніемъ.
На полянѣ, поросшей осокою,
Онъ стоялъ подъ ракитой вѣтвистою
И, проникнутый думой глубокою,
Любовался луной серебристою.
И къ нему подступила не слышно я
И коснулась плеча загорѣлаго.

Всколыхнулася грудь моя пышная
Отъ разгара желанья несмѣлаго...
«Издубаръ! Какъ орелъ между тучами
Лань на темя скалы обнаженное
Умыкаетъ когтями могучими,
Ты умчалъ мое сердце влюбленное!
Будь мнѣ мужемъ! Супругою вѣрною
Отрасль Ану возьми ты премудраго—
И подругой я буду примѣрною
Издубара, бойца чернокудраго».
Обратилъ онъ лицо свое смуглое
И отвѣтилъ: «Богиня прекрасная,
Не манитъ меня тѣло округлое
Иль отрава лобзанія страстная.
И не вѣдаю сладкой тревоги я,
Если пляшутъ дѣвицы стыдливыя:
Мнѣ лишь серны милы круторогія,
Лишь тигрицы да львы черногривые.
Отойди же, дочь Ану всесильнаго,
И не мучь себя страстію знойною:
Среди Ура, мужами обильнаго,
Ты утѣшься любовью достойною.
Иль въ предѣлахъ Эреха прекраснаго,
Края пѣсенъ, тебѣ посвященнаго,
Отыщи ты пѣвца сладкогласнаго,
Въ твои ясныя очи влюбленнаго.
Иль въ Калахѣ, гдѣ пальма зеленая
Наклонилась надъ свѣтлыми струями,
Позабудь обо мнѣ, упоенная
Сеннаарскихъ купцовъ поцѣлуями...»

И отпрянула я, оскорбленная
Этой дерзостью мужа надменнаго,
И умчалась, какъ лань, уязвленная
Жаломъ гибельнымъ гада презрѣннаго,
На небесную кровлю высокую,
И взмолилась предъ Ану властителемъ:
«— Защити свою дочь темноокую,
Будь суровымъ обидчику мстителемъ!
Онъ отвергъ поцѣлуи небесные,
Мои ласки отринулъ онъ страстныя,—
Пусть же нѣги объятія тѣсныя
Замѣнятъ ему пытки ужасныя!»
И услышалъ мое онъ моленіе
И отвѣтилъ съ грозящею силою:
«— Издубаръ за твое оскорбленіе
Будетъ пожранъ безславной могилою».
И быка сотворилъ онъ крылатаго,
И вдохнулъ въ него силу могучую,
И направилъ онъ звѣря рогатаго
На героя сквозь чащу дремучую.
Но сразила быка разъяреннаго
Издубарова палица бранная.
Рухнулъ звѣрь. Изо лба раздробленнаго
Кровь рѣкою струилась багряная
И надъ трупомъ стоялъ безъ движенія
Князь Эреха нагимъ изваяніемъ...
Было чудно лица выраженіе,
Посребреннаго луннымъ сіяніемъ...
Я надѣла корону двурогую,
Гдѣ сверкали рубины кровавые,

И пустилась тернистой дорогою,
Измышляя навѣты лукавые.
Я спущуся въ предѣлы печальные,
Въ подземелія смерти постылыя,
Гдѣ мерцаютъ огни погребальные
И скитаются тѣни унылыя.
Въ царствѣ мрака, печали и тлѣнія
Я предстану предъ грознымъ Иркаллою,
Что̀ сидитъ въ золотомъ облаченіи
Рядомъ съ гордой своей Нинкагаллою.
Я скажу ему: «Местью могучею
Изощри твою силу державную
И бѣдой покарай неминучею
Издубара гордыню тщеславную!
Пусть дыханье болѣзни тлетворное
Напоитъ его тѣло заразою
И, клеймо налагая позорное,
Поразитъ его лютой проказою.
Изнывая безсильно въ проклятіяхъ,
Пусть онъ вспомнитъ въ паляцихъ страданіяхъ
Объ Истаръ оскорбленной объятіяхъ,
Объ Истаръ оскорбленной признаніяхъ!..»
Въ область мрака, печали и тлѣнія
Я, богиня, схожу, знойноокая:
За смертельную боль оскорбленія
Отомстить порѣшила жестоко я.

ГИМНЪ ТАММУЗУ.

Въ мѣсяцъ «Странствій Истаръ»
О кончинѣ печальной твоей,
Царь народовъ и пастырь вождей,
Мы восплачемъ, Таммузъ...
Какъ ужасный пожаръ
Сожигаетъ всю жатву назрѣвшую,
Такъ сожженъ былъ грозой налетѣвшею
Твой недолгій союзъ.
О владыка, Таммузъ,
Опьяненный любовью Истаръ,
Ты скончался подъ ласками жгучими,
Волосами обвитый пахучими,
И ушелъ незамѣтно отъ узъ
Ея пагубныхъ чаръ.
Ты сомкнулъ утомленныя вѣжды
И уснулъ какъ дитя,
И не слышишь, какъ, краемъ одежды
По камнямъ шелестя,
Жрицы таинствъ любви, благосклонныя,
Виноградной струей опьяненныя,

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРЦА

Перевиты гирляндами розъ,
Дорогими блистая уборами,
Въ кровь царапая лица и грудь,
Оглашаютъ нестройными хорами
Твой таинственный путь.
Изъ курильницъ струей синеватою
Къ облакамъ подымается дымъ
И за гробомъ безмолвнымъ твоимъ,
Крытымъ тканью богатою,
Мы толпой, изступленьемъ объятою,
Со священною пѣснью спѣшимъ.

ГИМНЪ ДЕМЕТРѢ.

Слава, слава Богинѣ Земли,
Ей, Деметрѣ, плоды приносящей!
Къ ней на праздникъ мы нынѣ пришли
Отовсюду толпою шумящей.
Тронъ воздвигните царственный ей,
Колесницу уставьте снопами,
Въ честь богини пшеничныхъ полей
Пойте гимны такими словами:

Ты научила людей
Вспахивать землю Твою,
Въ борозды сѣмя кидать.
Ты посылаешь дождей
Намъ благодатныхъ струю,
Плодоносящая Мать.

Желтою ризою нивъ
Ты одѣваешь поля,
Наши вѣнчая труды.
Слыша Твой властный призывъ,

Людямъ приноситъ земля
Сладкой гранаты плоды.

Мать Прозерпины, алтарь
Твой покрываютъ снопы,
Къ небу возносится дымъ...
Будь же и нынѣ, какъ встарь,
Слыша моленья толпы,
Ласкова къ людямъ Твоимъ!

ЦАРЬ.

Мчатся бѣшеные кони
И, съ серпомъ у каждой спицы,
Рвутъ и рѣжутъ вражьи брони
Боевыя колесницы.

*

Мертвыхъ тѣлъ валятся груды
Подъ копьемъ и булавою.
Кони ржутъ. Ревутъ верблюды.
Стрѣлы свищутъ надъ толпою.

*

Какъ Нергала изваянье,
Недвижимъ, на колесницѣ,
Въ вихрѣ воплей и стенанья,
Скачетъ царь съ мечемъ въ десницѣ.

*

Онъ съ улыбкой упоенья
Смотритъ, взорами сверкая,
Какъ предъ нимъ въ разгаръ сраженья
Львовъ ревущихъ мчится стая.

РЕСЪ.

Ѳракіецъ Ресъ, убитый Діомедомъ,
Къ землѣ чужой безпомощно приникъ.
Какъ богъ Арей стремился онъ къ побѣдамъ,
Какъ богъ Арей безстрашенъ и великъ.

—

Не прогремитъ его побѣдный кликъ
Предъ воинствомъ враговъ оторопѣлыхъ,
Погасъ огонь въ очахъ безумно смѣлыхъ,
И смерти тѣнь легла на блѣдный ликъ.

—

Разбиты грезы юнаго героя:
Подъ звуки трубъ и ликованій стонъ
Спасенная его не встрѣтитъ Троя.

—

Убитъ во снѣ, а не въ разгарѣ боя,
Въ шатрѣ своемъ, весь кровью обагренъ,
Ѳракійскій царь вкушаетъ вѣчный сонъ.

* *
*

Кто между скалъ по ущелью
Звонкой свирѣльною трелью
Спать не даетъ ореадамъ?
Кто онъ, мечтательнымъ взглядомъ
Въ обликъ безстрастный Діаны
Впившійся, словно влюбленный?
Тихо сѣдые туманы
Въ высь поднялися надъ бездной,
И надъ землей, упоенной
Нѣгою полночи звѣздной,

Полные страсти и муки,
Легче зефира,
Къ небу возносятся звуки
Пѣсни сатира.

ПОДРАЖАНІЕ.

Вы РАЗРУШИЛИ храмъ и со смѣхомъ во прахъ
Всѣ колонны повергли его—
Отчего же теперь мучитъ душу вамъ страхъ?
Отчего у васъ ужасъ написанъ въ глазахъ?
Сжалось сердце у васъ отчего?

—

Отчего заунывные крики совы
И шакала голоднаго вой
Или шепотъ растущей въ руинахъ травы
Вызываетъ въ васъ дрожь и смущаетесь вы
Передъ грудой развалинъ нѣмой?

УТНЫЯ сѣрыя волны.
Мракъ и туманъ непроглядный.
Скуки и холода полный,
Вѣчности сонъ безотрадный.

* * *

Страшные сны и видѣнья
Рѣютъ въ полночномъ туманѣ.
Чуя судьбы приближенье,
Хаосъ трепещетъ заранѣ.

* * *

Хаосъ трепещетъ, ревниво
Вѣчныя тайны скрывая.
Мутныя волны тоскливо
Плещутъ, о чемъ-то вздыхая.

К. А. КУЛЬНЕВЪ

Если счастье измѣнитъ тебѣ,
Если бурею горе нагрянетъ,
Если жизнь нестерпимою станетъ,
Не ропщи и не плачь о себѣ:

*

Пусть и душно, и знойно кругомъ,—
То дыханьемъ ночной непогоды
Укрѣпляются силы природы,
Освѣжается воздухъ дождемъ.

*

Послѣ тяжкихъ ударовъ судьбы,
Словно послѣ ночного ненастья,
Ты сильнѣе почувствуешь счастье,
Ты окрѣпнешь для новой борьбы.

Когда душа полна сомнѣній
И мысли мрачны, какъ тюрьма,
Когда навѣты искушеній
Смущаютъ доводы ума,

Когда угаснувшую радость
Унынье мрачное смѣнитъ!
И горькій опытъ умертвитъ
Надеждъ плѣнительную сладость,—

Восторгъ послѣдній оживи
И со слезами упованья
Ищи въ молитвѣ состраданья
У Бога мира и любви.

В. А. ЛЕБЕДЕВЪ

ЕСЬ мой міръ упованій разбитъ,—
Только въ прошломъ я вижу сіянье,
Точно свѣтлый маякъ тамъ горитъ
Надъ бушующимъ моремъ страданья.

*

Много бурь пронеслось надо мной,
Я несу за потерей потерю,
Но бездушной природѣ одной
Свои думы и чувства повѣрю:

*

Свои думы — весеннимъ лучамъ,
Яснымъ тучкамъ въ небесной лазури,
Свои чувства—гремящимъ волнамъ
Да порывамъ грохочущей бури.

Θ. Н. МАКАРОВЪ

ТРУИ говорливѣй холодной
И жизни полнѣй, чѣмъ весна,
Воздушнѣе птички свободной—
Вотъ образъ ея, вотъ она.

—

Скромна, какъ фіалка лѣсная,
Какъ лилія, чудно-стройна,
Проворна, какъ рыбка рѣчная,—
Вотъ образъ ея, вотъ она.

А. Ф. МАЛИНОВСКІЙ

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Од. I, 11.

Левконоя, брось гаданья:
Грѣхъ пытаться узнавать,
Какъ тебѣ судили боги
Или мнѣ свой вѣкъ кончать.
Не ломай надъ вавилонскимъ
Головы себѣ числомъ:
Что́ бы съ нами ни случилось,
Все безропотно снесемъ,—

Много ль лѣтъ еще Юпитеръ
Намъ съ тобою далъ въ удѣлъ,
Или нынѣшней зимою
Жизни кончиться велѣлъ
И въ послѣдній разъ предъ нами
Межъ Тирренскихъ полыхъ скалъ,
Раздробляясь и вскипая,
Гнѣвно бьется шумный валъ.

Будь умнѣе, съ полной чашей
Не теряй въ надеждахъ дни,
Помни краткость жизни нашей,
И раздумье прочь гони:
Споримъ мы,— а безпощадно
Мчится жизни нашей тѣнь!
Наслаждайся же сегодня,
И не вѣрь въ грядущій день.

По́ небу сѣрыя тучи
Тянутся длинной грядой.
Мрачныя, хмурыя думы
Смутной плывутъ чередой.
Пасмурный день угасаетъ.
Вѣтеръ угрюмо шумитъ.
Душу тоска надрываетъ,
Сердце тревога томитъ.

*

Вдругъ изъ-за смутныхъ покрововъ
Брызнулъ играющій лучъ,
Слабымъ огнемъ озаряя
Стаю нахмуренныхъ тучъ.
Вѣтра порывъ безпощадный —
Снова темнѣе кругомъ...
Сдвинулись хмурыя тучи
И разразились дождемъ...

*

Вотъ среди думъ безотрадныхъ
Проблескъ надежды блеснулъ,
Сердце забилось живѣе,
Полной я грудью вздохнулъ,—
Мигъ — и надежды не стало,
Въ сердцѣ и холодъ, и страхъ,
Въ душу сомнѣнье запало,
Слезы сверкнули въ глазахъ...

ИШЬ луна волшебница на небо взойдетъ,
А въ кустахъ соловушко пѣсню заведетъ,

На село надвинутся тишина и сонъ
И часовъ послышится съ колокольни звонъ,—

Къ той скамьѣ, гдѣ старая ива у села
Вѣтви такъ развѣсисто надъ прудомъ сплела,

Приходи, красавица, ласточка моя,
Приходи, послушаемъ пѣсню соловья!

Отъ полей разносится ароматъ цвѣтовъ
И блестятъ таинственно огоньки костровъ,

Смолкли отдаленныя пѣсни косарей,
Изо ржи доносится скрипъ коростелей,

Пѣсня соловьиная ужъ давно слышна...
Чу—калитка скрипнула—то идетъ она!

Ты пришла, красавица, ласточка моя!...
Гдѣ жъ теперь и слушать намъ пѣсню соловья!

* *
*

Х. Х. МАРШНЕРЪ

* * *

Въ окно мое лучамъ дороги нѣтъ:
Одна стѣна, угрюмая, нѣмая,
Отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ,
Тоску и боль на душу нагоняя.

Я міру чуждъ, — одинъ съ тоской своей,
Лицомъ къ лицу съ громадой молчаливой.
Отсюда мнѣ не видно и людей,
Не слышенъ шумъ ихъ жизни суетливой,

Мнѣ здѣсь незримъ лазурный небосводъ,
Свободныхъ птицъ полетъ на немъ свободный,
Алмазныхъ звѣздъ полночный хороводъ
И блескъ луны, безстрастный и холодный,—

И только дождь, когда и такъ темно,
Докучный дождь, струясь изъ тучи мрачной,
Находитъ путь стучать въ мое окно,
Сгущая тьму канвой полупрозрачной!..

ИЗЪ «ЛЕГЕНДЪ ПУСТЫНИ».

Правитель былъ мраченъ. Безмолвно онъ путь совершалъ.
Зловѣще сверкая, грозу его взоръ обѣщалъ.
Отъ думы невѣдомой душу не могъ онъ отвлечь
И гнѣвно сжимала рука дорогой его мечъ.
Безмолвна и свита: правителя сумрачный видъ
О жертвахъ и казняхъ понятно безъ словъ говоритъ
И молится каждый въ душѣ: «Всемогущій Аллахъ!
Смягчи его сердце!.. Да явится въ царскихъ очахъ
Намъ прежняя милость!» Вдругъ, воли безхитростный сынъ,
Идетъ имъ навстрѣчу и пѣсню поетъ бедуинъ.
О чемъ его пѣсня? О вольныхъ родимыхъ пескахъ,
О счастьѣ свободы въ изодранныхъ бурей шатрахъ,
О звѣздахъ далекихъ, о смерти въ кровавомъ бою,—

Идетъ и поетъ онъ безпечную пѣсню свою.
Увидѣлъ — умолкъ — но блеснулъ повелителя взоръ,
Какъ молнія въ полночь сверкнулъ изъ очей приговоръ,
Чуть дрогнули губы, волненья не въ силахъ сокрыть,
И громко слугамъ онъ промолвилъ: «Связать и казнить!»
И слуги связали. Напрасно несчастный молилъ,
Напрасно онъ рвался, — правитель молчанье хранилъ:
На новую жертву хотѣлъ онъ, какъ видно, взглянуть
И дальше направить свой грозный и медленный путь.
И вдругъ онъ услышалъ: «Внемли мнѣ, владыка людей:
Молю не о жизни ничтожной и жалкой моей!
Дѣтей лишь дозволь мнѣ надежному другу отдать —
И нынче жъ — вотъ клятва! — вернусь я, чтобъ кару принять!»
Смѣется владыка: «Найдется ль охотникъ такой, —
Что ты возвратишься, — ручаться своей головой?..»
И къ свитѣ съ мольбою свой взоръ обратилъ бедуинъ, —
Всѣ лица суровы... Но юноша былъ тамъ одинъ:
Смотрѣлъ съ состраданьемъ на жертву онъ лютыхъ страстей, —
Къ нему бедуинъ обратился съ мольбою своей:
«О братъ всѣхъ несчастныхъ! Возможно ль отъ смерти уйти?
Возможно ль избѣгнуть намъ даннаго Богомъ пути?
О, будь милосерденъ, услышь благосклонно меня, —
Останься залогомъ до вечера этого дня!»
И юноша молвилъ: «О царь, я останусь въ залогъ!
Иди къ своимъ дѣтямъ! Да будетъ защитой имъ Богъ!»

Садилося солнце. Назначенный часъ наступалъ.
Съ усмѣшкой злорадной тогда повелитель сказалъ:
«Ты видишь, безумецъ? Ужъ близится къ вечеру день
И казнь возвѣщаетъ ложащихся сумерокъ тѣнь!»

Но юноша твердо владыкѣ
отвѣтствуетъ: «Нѣтъ,—
Пока не померкнетъ блѣднѣющій солнеч-
ный свѣтъ,

Меня еще рано казнить, повелитель людей,
Не время исполниться царственной волѣ твоей!»
Лишь кончить успѣлъ онъ—предъ ними, въ поту и пыли,
Предсталъ бедуинъ...
«Я вернулся, владыка земли!
Теперь мои дѣти въ надежныхъ и вѣрныхъ рукахъ;
За милость твою да продлитъ твои годы Аллахъ!..»
И молча предъ нимъ опустилъ повелитель глаза...
Смочила рѣсницу, скатилась на землю слеза
И, руки воздѣвъ, онъ воскликнулъ: «Клянусь головой,—
Вы — лучшіе люди, съ открытой и честной душой!
И кто изъ васъ лучше? Кто здѣсь оставался въ залогъ
И жизнью отвѣтить за брата безвѣстнаго могъ?]
Иль тотъ, кто для казни вернулся, покинувъ дѣтей,
Чтобъ выкупить брата безславною смертью своей?
О, чистые сердцемъ!... Не буду я ниже, чѣмъ вы!..
Иди въ свой шатеръ: мнѣ не надо твоей головы!..»
И прочь удалился и пѣсню запѣлъ бедуинъ:
«Да будетъ прославленъ земли и небесъ Господинъ!
Боялся я смерти, но горькая смерти боязнь
Меня не смутила спѣшить на позорную казнь!
Остаться молило меня мое племя въ слезахъ,
Но всѣ искушенья помогъ мнѣ осилить Аллахъ!
Аллахъ милосердъ и великъ повелитель дюдей,—
Да взыщетъ Аллахъ его милостью вѣчной своей!..»

ИЗЪ ЧЕТВЕРОСТИШІЙ ПЕРСИДСКАГО ПОЭТА

ОМАРА ХАЙАМА.

Пусть лицо мое пріятно, пусть щека моя—тюльпанъ,
Пусть я весь благоухаю, и какъ тополь строенъ станъ,—
Все жъ, однако, я не знаю, для чего Создатель мой
Въ мірѣ тлѣннаго веселья такъ трудился надо мной?..

* * *

Пока идешь путемъ смиренья,—старайся всѣ сердца понять;
Но лишь коснешься Высшей Силы—лишь ей стремись себя отдать.
Сто Каабъ изъ глины вѣдь не стоятъ души послѣдняго глупца!
Зачѣмъ тебѣ стремиться въ Каабу? Ступай, улавливай сердца!

* * *

Мы, вино и музыканты, и притоны—все одно:
Сердце, душу, всѣ пожитки отдаемъ мы за вино...
Мы не ждемъ себѣ прощенья, намъ не страшенъ кары часъ:
Прахъ, огонь, вода и воздухъ,—это чуждо все для насъ!

* * *

Для чего, скажите, мудрый въ этомъ мірѣ суеты
Отдаетъ ему и сердце, и желанья, и мечты?
Тодько вздумаетъ присѣсть онъ,—ужъ наверхъ его зовутъ,
Предъ лицо Творца вселенной, на его ужасный судъ!..

* * *

Когда скончаюсь я, омойте прахъ виномъ,
О чашахъ и винѣ надъ гробомъ рѣчь скажите,
А если въ день Суда найти меня хотите—
Ищите тѣнь мою въ трактирахъ подъ столомъ.

* * *

Кааба, капище—все это тотъ же храмъ,
Удары въ мѣдный тазъ—все то же пѣснопѣнье,
И четки, и алтарь, и крестъ,—все выраженье
Стремленія души къ далекимъ небесамъ.

* * *

Мое сердце! Твой жребій—быть вѣчно въ огнѣ,
Твой удѣлъ—каждый часъ, каждый мигъ измѣняться.
О, зачѣмъ же, душа, ты слетѣла ко мнѣ,
Если цѣль сочетанья—со мною разстаться?

* * *

Въ кабачкѣ уютномъ нашемъ какъ-то голосъ вдругъ раздался:
«Эй, пьянчуга, забулдыга, что̀ отъ пьянства помѣшался!
Встань скорѣе и наполни искрометной влагой чаши,
Прежде, чѣмъ судьба наполнитъ до краевъ бокалы наши!..»

Разсвѣтъ

Ночь колыхала созвѣздія въ глуби пруда.
Чуткій, какъ тьма, вѣтерокъ
Міра покинуть не могъ.
Гдѣ-то чуть рѣяли птицъ перелетныхъ стада,
Травы шептались у ногъ.

—

Робко заря освѣтила извилины горъ.
Вѣтеръ рыданья промчалъ,
Шелестъ травы разогналъ.
Ночь, посылая разсвѣту печальный укоръ,
Скрылась въ разсѣлины скалъ.

—

Дальше и глубже тѣснитъ ее свѣта полетъ,
Стали смѣлѣй журавли,
Все, пробуждаясь, отрадою дышетъ—и вотъ
День, лучезарный какъ истина, ярко встаетъ
Для обновленной земли.

Б. О. МЕЙЕРЪ

Смотри, какъ чудно здѣсь: деревья молодыя
Столпились тѣсною и дружною семьей
И листья нѣжные, лучами облитые,
На землю стелятъ тѣнь прозрачной пеленой.

*

И мягкая трава, росинками сверкая,
Проснувшися, въ цвѣтахъ, чего-то будто ждетъ,
А съ неба на нее, привѣтливо блистая,
Веселый снопъ лучей торжественно падетъ.

*

Присядемъ на траву подъ яблоней зеленой,
Я стану въ синіе глаза твои глядѣть,
А медленный ручей своей струею сонной
Подъ солнцемъ будетъ намъ привѣтливо блестѣть—

*

И всѣ сомнѣнія, вся жизнь пережитая,
Все позабудется въ надеждѣ молодой,
И будемъ вдаль смотрѣть съ тобой, моя родная,
Мы просвѣтленною душой.

Осенній день, холодный, безучастный,
Мнѣ смотритъ въ комнату. Окно открыто въ садъ,
И солнца лучъ, блестящій и безстрастный,
Горитъ надъ озеромъ. Желтѣющій нарядъ

—

Увядшихъ липъ дорожку застилаетъ.
Вотъ кто-то пробѣжалъ,—и слышно какъ шуршитъ
Коверъ листвы. Но день все угасаетъ
И въ сѣрыхъ сумеркахъ навстрѣчу тьмѣ спѣшитъ.

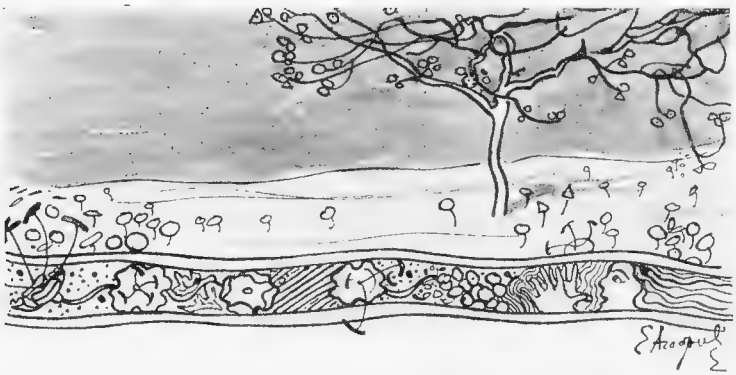
—

Свѣжо въ саду. Давно закрыты ставни
И лампа зажжена. Въ блуждающихъ тѣняхъ
Весны моей мелькаетъ образъ давній
И шепчетъ мнѣ о пережитыхъ дняхъ...

—

И тишь кругомъ... Лишь бабочка стучится
Въ горячее стекло и падаетъ безъ силъ,
А за окномъ болѣзненно томится
Печальный ночи мракъ,—холодный, безъ свѣтилъ.

Н. Е. НИДЕРМИЛЛЕРЪ



Когда, съ волшебною, побѣдною красою,
Нарядная весна спускается, въ цвѣтахъ,
Увита грезою и свѣтлою мечтою, —
Я рвусь навстрѣчу ей восторженной душою,
Съ напѣвомъ радостнымъ, безпечнымъ на устахъ.

И все сливается въ гимнъ свѣтлый вдохновенья—
И рокотъ синихъ волнъ, и шопотъ камыша,
И свистъ малиновки, и жаворонка пѣнье,
И вѣтра тихое, чуть внятное движенье,
Когда онъ шелеститъ листвой, едва дыша,

И звуки прежніе тревоги и сомнѣній,
Безвѣрья горькаго, мучительной тоски,
Несбывшихся надеждъ, угрюмыхъ размышленій,
Подъ этотъ благовѣстъ ликующій весенній
Душѣ воскресшей далеки.

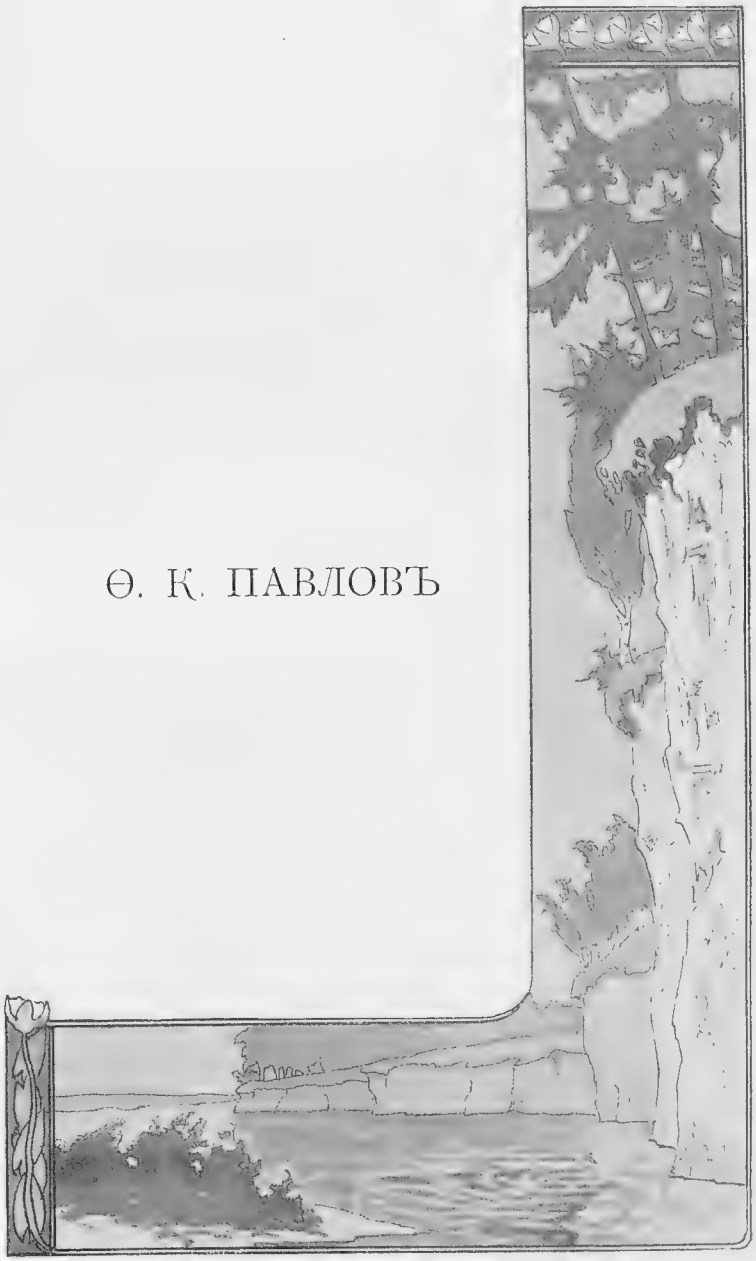
ПОСВЯЩАЕТСЯ А. Г. БРАСЛАВСКОЙ.

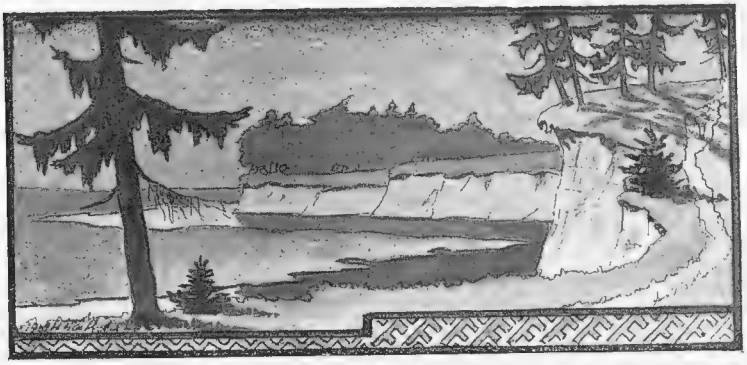
Когда души моей коснется вдохновенье
И загорится взоръ отвагой молодой,
Мнѣ кажется тогда: какъ свѣтлое видѣнье
Изъ міра лучшаго стоишь ты предо мной—
И, яркимъ счастія сіяніемъ объята,
Согрѣта ласкою чарующихъ лучей,
Душа не вѣритъ вновь, что людямъ нѣтъ возврата
Изъ края мрачнаго ночныхъ полутѣней.

Когда же въ призрачномъ сіяньи, въ вихрѣ свѣта,
Среди нарядныхъ фразъ и лживой красоты,
Виномъ предательскимъ тщеславія согрѣта,
Душа довѣрится соблазнамъ суеты—
Мнѣ кажется тогда—ты снова предо мною
Стоишь, печальная, и твой пытливый взоръ
Въ меня впивается съ тревогой и тоскою,
Безмолвенъ и правдивъ, какъ совѣсти укоръ...

И на устахъ замретъ срывавшееся слово,
Опустится рука съ бокаломъ дорогимъ
И грезы гордыя завѣтнаго былого
Надъ сердцемъ властвуютъ по прежнему моимъ!

Ѳ. К. ПАВЛОВЪ





ЛЕГЕНДА.

Смотритъ холодно мѣсяцъ съ небесныхъ высотъ.
Спитъ рѣка въ величавомъ покоѣ.
Коростель однозвучную пѣсню ведетъ,
Нарушая молчанье ночное.

* * *

Вдоль по берегу парень крестьянскій идетъ,
Молодой, загорѣлый, красивый,
Смотритъ весело вдаль—нѣтъ и тѣни заботъ
Ни въ лицѣ, ни въ улыбкѣ счастливой.

* * *

Къ черноглазой красоткѣ, къ Марусѣ своей,
Онъ спѣшитъ изъ далекой сторонки,
Гдѣ всю зиму работалъ, не видѣвшись съ ней,
Припасая на свадьбу деньжонки.

*

* * *

И не чуетъ усталости онъ
никакой,
Въ нетерпѣніи шагъ
ускоряетъ...
Вдругъ, изъ темнаго лѣса, изъ
чащи густой,
Привидѣнье къ нему выплываетъ...

* * *

Кровь застыла... Движенія ужасъ сковалъ,
По спинѣ пробѣжалъ жуткій холодъ...
Онъ узналъ, онъ при мѣсячномъ свѣтѣ узналъ,
Безпощадный, медлительный голодъ.

* * *

— «Подожди ка, дружокъ! Намъ съ тобой по пути:
Для тебя, паренька молодого,
Вѣдь подъ силу, я чаю, меня донести
На себѣ до селенья родного?

* * *

А тебѣ, молодецъ, за усердье твое,
Окажу я такую услугу:
Пощажу и тебя, и семейство твое,
И твою дорогую подругу!»

* * *

И мгновенною мыслью бѣднякъ озаренъ:
Нѣтъ! Не сгибнетъ селенье родное!
Расплатиться за всѣхъ попытается онъ
Своей собственной жизни цѣною!

* * *

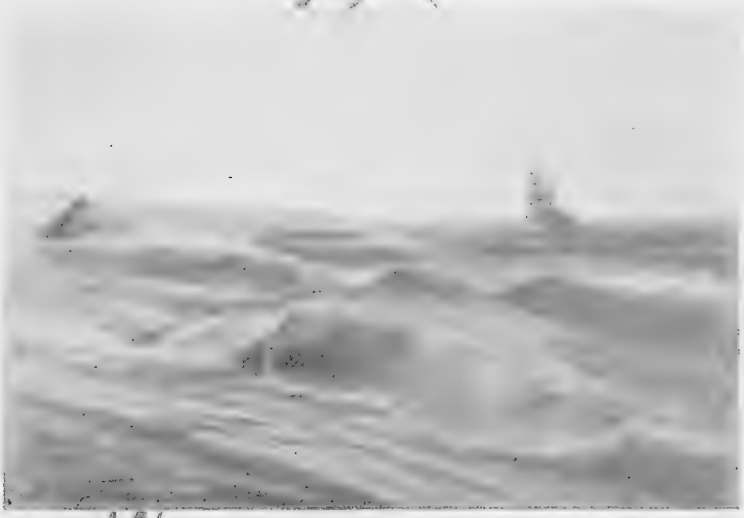
И на сильныхъ плечахъ онъ знакомца понесъ,
Обхвативши костлявыя ноги.
Впереди, гдѣ стоялъ надъ рѣкою утесъ,
Тамъ крутой поворотъ былъ дороги...

* * *

На вершину откоса взобрался герой,
Ближе къ краю себя пододвинулъ
И, внезапно къ рѣкѣ повернувшись спиной,
Свое тѣло назадъ опрокинулъ...

СМОТРИТЪ
холодно мѣсяцъ
съ небесныхъ
высотъ,
Вѣтеръ глади рѣчной не
волнуетъ,

Коростель похоронную пѣсню поетъ,
Да душа у Маруси тоскуетъ...



В. Л. ПОЛЯКОВЪ

Иду печально я, безъ цѣли, безъ стремленій,—
Лишь поле ровное, да ночи мгла кругомъ,—
И звуки трепетныхъ и робкихъ пѣснопѣній
Уноситъ ураганъ бушующимъ крыломъ.

—

Но тамъ, надъ бѣшенствомъ слѣпого урагана,
Въ лазурномъ сумракѣ, въ таинственной дали,
Звѣзда чудесная сквозь пелену тумана
Неугасимый лучъ роняетъ до земли.

Румяна и бѣла, какъ юная царица,
Встаетъ изъ тихихъ водъ веселая денница,
Съ полей исчезъ туманъ, гнетущій и сѣдой,
Все залито волнами свѣта,
И пѣсня вольная свободнаго поэта
Звучитъ безпечностью и вѣрой молодой.
Забытъ угрюмый путь, забыта ночь ненастья,
Веселый вѣтерокъ манитъ куда-то въ даль...
Я счастливъ...
Отчего жъ мнѣ жаль
Звѣзды, цомеркнувшей предъ яркимъ солнцемъ счастья?

ВЪ ЗАМКѢ.

СЮДУ копья, шлемы, латы,
Рядъ портретовъ по стѣнамъ:
Графы, герцоги, аббаты,
И румяные прелаты,
И цвѣтникъ прелестныхъ дамъ...

*

Залъ высокій ужъ веселья
Не видалъ въ себѣ давно,
А бывало, въ часъ бездѣлья,
Въ часъ разгульнаго похмѣлья,
Въ кубкахъ пѣнилось вино

*

И, довольны и богаты,
Отъ зари и до зари
Графы, герцоги, аббаты
И румяные прелаты
Пировали какъ цари.

*

Чинно дамы украшали
Пиръ нарядомъ и лицомъ,
Но порой и забывали
Предисловія морали
Въ кубкѣ съ пѣнистымъ виномъ...

*

Тускло блещутъ копья, латы,
И уныло по стѣнамъ
Блекнутъ хмурые аббаты,
И румяные прелаты,
И ряды прелестныхъ дамъ.

Въ тебѣ горитъ огонь палящій вдохновенья,
Ты побѣдишь враговъ, ты не падешь въ борьбѣ
И огненнымъ стихомъ и властью пѣснопѣнья
Всѣхъ очаруешь ты, всѣхъ покоришь себѣ.

—

А мнѣ, пѣвцу любви и беззаботной грезы,
Не лавры видятся, не слава впереди,
И скоро, можетъ-быть, среди житейской прозы
Заглохнетъ огонекъ, чуть тлѣющій въ груди.

У моря — помните ль? — когда-то мы сидѣли
На золотомъ пескѣ и слушали прибой,
И волны синія привѣтливо намъ пѣли
О счастьѣ сказочномъ, о грезѣ голубой...

*

О, помните ли вы, какъ, этой пѣснѣ вторя,
Въ сіяньѣ теплаго и солнечнаго дня,
Надъ яркой синевой играющаго моря
Звучала музыка, лаская и маня,

*

И какъ подъ музыку тогда, полушутливо,
Съ улыбкой свѣтлою мнѣ обѣщали вы
Въ послушной памяти всегда хранить ревниво
На дальнихъ берегахъ скучающей Невы

*

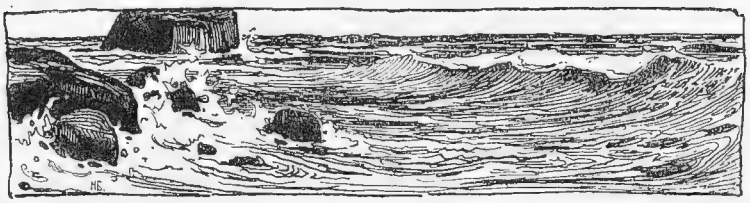
Тотъ быстролетный день, когда вдвоемъ сидѣли
Мы тамъ... на берегу... и слушали прибой...
И волны синія такъ ласково намъ пѣли
О счастьѣ сказочномъ, о грезѣ голубой...

Тихо заря догорала.
Тихо земля умирала.
Съ нею всѣ дѣти земли.

Медленно время летѣло.
На бездыханное тѣло
Злобныя тучи легли.

Жалкія слезы безсилья...
Слышишь незримыя крылья
Въ меркнущей міра дали?

Горніе пусты чертоги:
Въ небѣ покинутомъ боги
Жить безъ людей не смогли...



Надменное, ласкающее море!
Оно поетъ о небѣ голубомъ,
Оно поетъ о блескѣ золотомъ,
Оно поетъ о радостномъ просторѣ,—
Но глубоко, въ таинственной тиши,
Въ суровой мглѣ, спятъ черныя страданья
И гордыя, жестокія желанья,
Какъ въ глубинѣ моей души...

Любовь, мечты, борьбу и славу
Безумцамъ бросивъ и рабамъ,
Поднесъ ты медленно къ устамъ
Намъ неизвѣстную отраву
И, воскресая, какъ металлъ
Твой стихъ побѣдно прозвучалъ
Среди стенаній мірозданья.
Ты полубогъ. Твой пьедесталъ —
Недостижимый идеалъ
Невыразимаго страданья.

Я прежде былъ волной... Не зналъ я ни печали,
Ни страсти роковой; въ задумчивой ночи
Сіяньемъ сладостнымъ таинственно пронзали
Меня далекихъ звѣздъ далекіе лучи...

*

Я прежде былъ волной: среди моей пустыни,
Огнемъ страстей горя, измученъ суетой,
Молюсь я, какъ лучамъ цѣлительной святыни,
Сіянью грезы золотой.

Б. В. РѢПИНСКІЙ

Вздымалася нива волнами
И лѣсъ говорливо шумѣлъ,
Вдали, высоко надъ полями,
Невидимый жавронокъ пѣлъ,

*

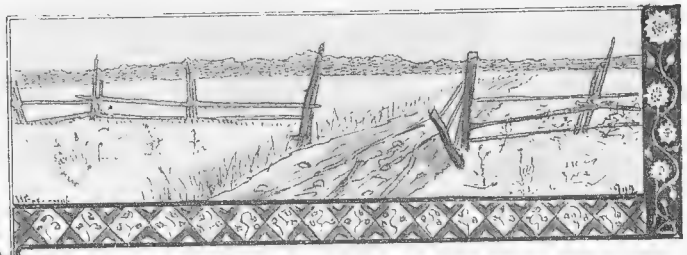
И тучекъ въ лазури небесной
Жемчужныхъ летѣла гряда,
Стремясь изъ страны неизвѣстной,
Богъ знаетъ, зачѣмъ и куда.

*

Надъ лентой рѣки многоводной
Бѣлѣлся сіяющій храмъ,
Гдѣ въ отдыхъ и въ праздникъ народный
Молитва летитъ къ небесамъ.

*

И снова, какъ въ дѣтскіе годы,
Молиться хотѣлося мнѣ,
Забыть роковыя невзгоды,
Не помнить о завтрашнемъ днѣ...



ОРОГОЙ тряскою, размытою дождями,
Я ѣхалъ вдоль полей, засѣянныхъ хлѣбами.
Лошадки тощія, съ понурой головой,
Подъ крики ямщика шли медленной рысцой.
— «Что̀, старый, пріунылъ?» — «Не время быть
веселымъ»,
Ямщикъ мнѣ отвѣчалъ:—«такъ сердце и болитъ—
Опять неурожай! Въ морозъ, голоднымъ, голымъ,
Безъ хлѣба... безъ гроша... Иль этимъ будешь сытъ?»
Съ усмѣшкой на поля онъ показалъ рукою—
И свистнулъ, и привсталъ, задергавъ вдругъ возжею,
И тройка понеслась подъ окликъ ямщика,
Запѣвшаго въ тиши съ невольною тоскою
Про горе горькое, про горе мужика...

Багровой полосой горитъ закатъ прощальный,
По небу облачка бѣгутъ куда-то въ даль,—
Куда—не знаю я... Къ тебѣ ли, другъ мой дальній,
Несутъ они мою тревожную печаль?

Но ты такъ далека, ты стала мнѣ чужою...
Поймешь ли грусть души, измученной борьбой?
Простишь ли ты меня? Разстались мы съ тобою—
Разстались, какъ враги... Прощай же — Богъ съ тобой!..

Чу! громъ... Вокругъ темнѣй... Вотъ молнія блеснула...
Вотъ дождь... И хлынули, какъ дождь, изъ глазъ моихъ
Потоки тайныхъ слезъ...
Ужь ночь. Земля уснула,
Гроза умчалася и лѣсъ дремучій тихъ.

Лишь облака, ловя заката лучъ прощальный,
Въ далекихъ небесахъ медлительно плывутъ
Туда, гдѣ ты живешь, и мой привѣтъ печальный—
Послѣднее «прости!»—въ твой дальній край несутъ...

* * *

Она задумчиво сидѣла у окна,
На меркнувшей дали остановясь очами.
Ужъ ночь волшебная и блѣдная луна
Царили широко надъ сонными мірами.

—

И думала она: «Все кончено... Прости!..
«И жизнь надломлена, и молодость разбита,
«Ни свѣтлой радости, ни счастья впереди...
«А я... я брошена... безжалостно забыта!»

—

Головка русая склонялася къ окну
И слезы горько жгли дрожащія рѣсницы,
Но счастье новое, разсѣевая тьму,
Ужъ улыбалось ей улыбкою денницы...

Я измѣрилъ море наслажденья!
Мнѣ любовь являлася порой
Въ видѣ грезы, свѣтлаго видѣнья,
Дѣвы рая въ ризѣ золотой...

*

Ей созвучья стройныя звенѣли,
Ей сіяла солнцемъ красота
И, стремясь къ давно завѣтной цѣли,
Къ ней летѣла пылкая мечта.

*

Я измѣрилъ океанъ страданья!
Въ немъ погасъ минутной страсти пылъ,
Въ немъ умолкли жаркія признанья,—
Все, въ чемъ я блаженство находилъ.

*

И въ очахъ слеза тоски дрожала,
И кипѣла мщеньемъ въ сердцѣ кровь,
И надъ бездной пѣсня не звучала,
Гдѣ погибла свѣтлая любовь.

*

Отчего ты порой молчалива,
Такъ задумчиво смотришь на всѣхъ,
Словно въ счастьѣ самомъ несчастлива,
Словно чуждъ тебѣ говоръ и смѣхъ?

—

Отчего ты порою бываешь
То насмѣшливой, бойкой такой,
То какъ-будто немного скучаешь,—
То какъ-будто играешь со мной?..

Л. Д. СЕМЕНОВЪ

ОТВЕРГНУТЫЙ АНГЕЛЪ.

(Средневѣковая легенда).

МЯТЕНЬЕ въ замкѣ Эйзенрека,
Насталъ Конрада смертный часъ
И за монахомъ человѣка
Шлетъ гордый рыцарь въ первый разъ.
Съ невольнымъ страхомъ попъ смиренный
Къ одру болящаго спѣшитъ

И тотъ съ улыбкою надменной
Къ себѣ ввести его велитъ.
И началъ Эйзенрекъ въ волненьѣ:
«Тѣ знаешь, попъ, я не любилъ
«Твоихъ обѣденъ пѣснопѣнье,
«Дымъ ѳиміама, чадъ кадилъ;
«Какъ передъ кесаремъ, предъ Богомъ
«Я не сгибалъ спины своей
«И не согласенъ я во многомъ
«Съ твоимъ ученьемъ, іерей;
«Но было мнѣ одно видѣнье...
«Оно изгрызло грудь мою:
«Ей страшно смерти приближенье,
«Мнѣ съ дѣтства милое въ бою!
«Однажды врагъ въ разгарѣ битвы
«Мнѣ выбилъ мечъ изъ сильныхъ рукъ
«И ждалъ я смерти безъ молитвы
«И безъ раскаянія мукъ.
«Вдругъ мимолетно ангелъ нѣжный
«Меня крылами осѣнилъ...
«Но я въ надменности мятежной
«Его защиту отклонилъ —
«И, свѣтомъ рая осіянный,
«Онъ улетѣлъ съ слезой въ очахъ,
«Исполненъ грусти несказанной,
«Съ упрекомъ кроткимъ на устахъ...
«Ударъ врага былъ вѣренъ страшный,
«Но панцырь мнѣ не измѣнилъ,
«Сломился мечъ — и въ рукопашной
«Въ тотъ день врага я побѣдилъ,—

«Я задушилъ его руками!—
«Но, безъ проклятій и угрозъ,
«Онъ цѣпенѣвшими устами
«Христово имя произнесъ...
«И я кляну тотъ день несчастный:
«Съ тѣхъ поръ, съ мучительной тоской,
«Я вижу—къ жизни безучастный —
«Посланца неба предъ собой.
«Мнѣ страшенъ взоръ его открытый,
«Его слеза мнѣ грудь сожгла
«И влагой скорбно-ядовитой
«Былую силу отняла.
«Отецъ, мнѣ больно безконечно,
«Мнѣ страшно, страшно умирать!..
«Скажи, ужель и тамъ я вѣчно
Томиться буду и страдать?..
«Видѣнье вновь.... что̀ это значитъ?
«То онъ, прекрасный, предо мной!
«Его мнѣ жаль... О чемъ онъ плачетъ,
«Скорбитъ безгрѣшною душой?
«Да, я готовъ ему молиться...
«О, научи меня, отецъ!..
«Дай силъ мнѣ, Господи, смириться...
«Будь милосердъ... Пошли конецъ....»
Пролепеталъ—и вздохъ послѣдній
Съ молитвой къ Богу испустилъ...
И служитъ попъ по немъ обѣдни,
Струится къ небу дымъ кадилъ

И льются клира пѣснопѣнья:
«Рабу, смиренному Тобой,
«Прости, Владыка, прегрѣшенья
«И со святыми упокой!»

Имъ путь ночной томителенъ и труденъ:
Спятъ пастухи и сонъ ихъ непробуденъ,
Стада бредутъ безъ цѣли, безъ вождей,
И соблазнителенъ и чуденъ
Имъ блескъ блуждающихъ огней.

*

Надъ ними звѣздъ немеркнущіе хоры
Выводятъ въ небѣ вѣчные узоры,
Но непорочный блескъ ихъ не для стадъ
И звѣздъ невидящіе взоры
Нечистымъ пламенемъ горятъ.

*

Ихъ грудь ни разу пѣсней не согрѣта.
Молись за нихъ: есть время до разсвѣта!
Да взыдетъ солнце! Солнце пусть блеснетъ
И знойной ласкою привѣта
Въ нихъ пламя чистое зажжетъ!

*

ЗОВЪ.

Звѣздной сѣтью, ровной, яркой,
Озаренъ души тайникъ
И, въ слезахъ, съ молитвой жаркой
Я къ землѣ приникъ.

—

Люди спятъ, до звѣздъ высоко,—
Только, слышу, въ тишинѣ
«Смертный!» шепчетъ издалека
Голосъ чей-то мнѣ...

—

Знаю, то къ себѣ, прощая,
Сына мать-земля зоветъ:
Слышитъ онъ твой зовъ, родная,
И къ тебѣ идетъ!

ИСКУШЕНЬЕ.

Сквозь непроглядные туманы
Лежалъ мнѣ въ горы тѣсный путь.
Болѣли ногъ усталыхъ раны,
Но сладко вѣра жгла мнѣ грудь:

Я къ звѣздамъ шелъ, на свѣтъ лучистый,
Блуждалъ и падалъ, шелъ опять,
И день и ночь огонь ихъ чистый
Не уставалъ душѣ сіять.

Но вотъ у бездны путь суровый,
Онъ выше къ звѣздамъ не ведетъ,—
И духъ иной во власти новой
Передо мной съ земли встаетъ

И безпредѣльно-сладострастно
Рисуетъ пылкая мечта,
Какъ упоительно-прекрасна
Его земная нагота!

До звѣздъ—ни крыльевъ, ни дороги,—
А съ утомительныхъ вершинъ
Пути такъ близки, такъ отлоги
Къ манящимъ призракамъ долинъ...

ТЕРЦИНЫ.

Въ темницу смрадную былъ брошенъ я судьбой.
Мой умъ былъ угнетенъ оковами сомнѣнья,
Душа была мрачна, сжималась грудь тоской.

И вдругъ явилось мнѣ чудесное видѣнье:
Прекрасный нѣкій мужъ предсталъ передо мной,
Съ челомъ, отмѣченнымъ печатью вдохновенья.

Сіяньемъ неземнымъ нетлѣнной красоты
Какъ солнцемъ озаренъ былъ ликъ его чудесный
И взоръ его былъ чистъ, какъ ясный лучъ звѣзды.

И онъ мнѣ руку далъ и изъ темницы тѣсной
Въ дыханьи творческомъ божественной мечты
Вознесъ на высоту, гдѣ ждалъ насъ храмъ небесный.

И мы вошли въ тотъ храмъ. Какъ стая голубицъ
Въ немъ юныхъ дѣвъ толпа насъ окружила съ пѣньемъ
При звукахъ сладостныхъ архангельскихъ цѣвницъ.

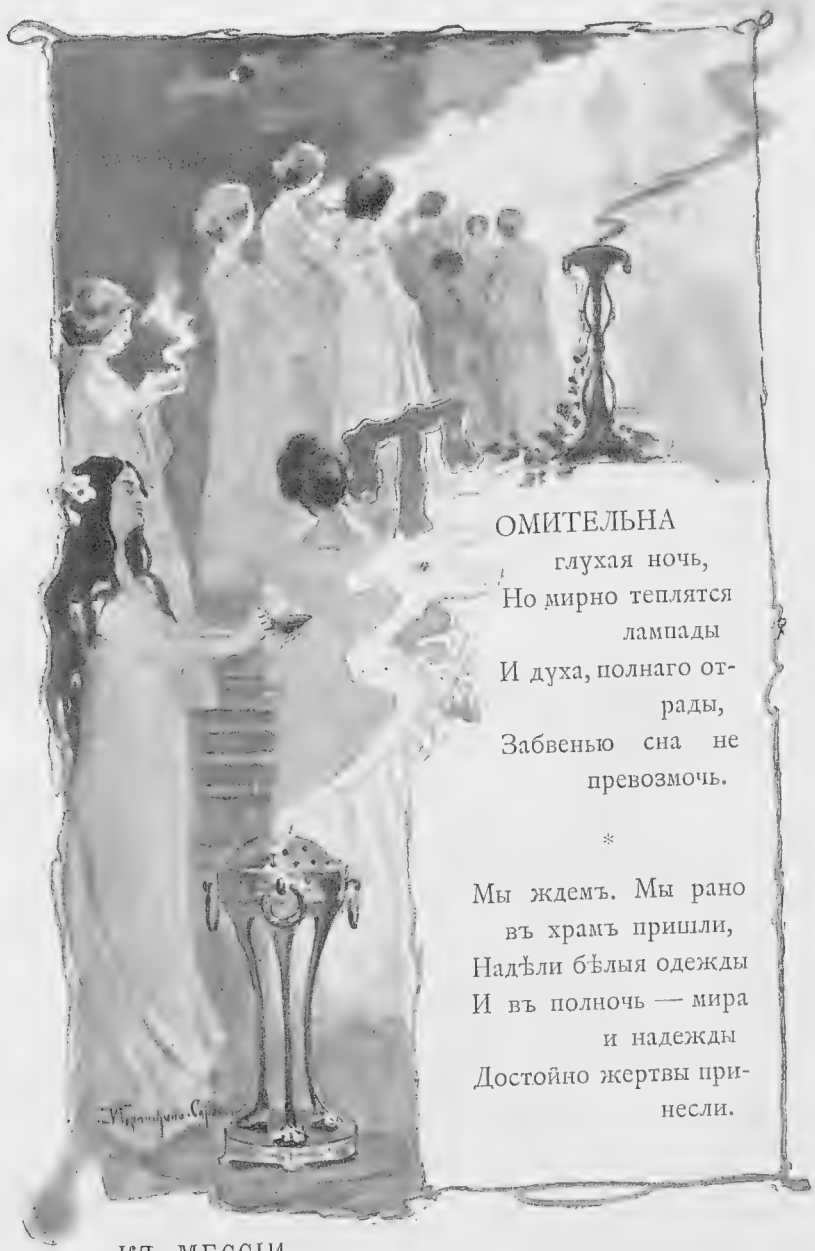
И пѣснѣ дивной той внималъ я съ упоеньемъ
И въ сонмѣ ангеловъ Творцу, простертый ницъ,
Молился радостно и плакалъ съ умиленьемъ.

И мы вошли въ алтарь — и я затрепеталъ
Въ священномъ ужасѣ: какъ лава огневая
Передо мной тамъ путь изъ пламени сіялъ

Въ ту царственную высь, гдѣ, въ свѣтѣ утопая
Престолъ Всевышняго надъ солнцами пылалъ.
. . . . . .

Съ тѣхъ поръ я слѣпъ, друзья, съ тѣхъ поръ я слѣпъ и глухъ:
Къ сіянью тлѣнному безчувственны зѣницы
И къ голосамъ земли мой безучастенъ слухъ.

Но мужа дивнаго цѣлительной десницы
Прикосновеньемъ вдругъ мой окрылится духъ—
И, внемля, видитъ рай въ стѣнахъ моей темницы.



ОМИТЕЛЬНА
глухая ночь,
Но мирно теплятся
лампады
И духа, полнаго от-
рады,
Забвенью сна не
превозмочь.

*

Мы ждемъ. Мы рано
въ храмъ пришли,
Надѣли бѣлыя одежды
И въ полночь — мира
и надежды
Достойно жертвы при-
несли.

КЪ МЕССІИ.

*

Печать позорную грѣха
Мы смыли чистыми слезами,
Престолъ украсили цвѣтами
И ждемъ съ молитвой жениха.

*

И мы дождемся: Онъ придетъ
При звукахъ радостныхъ цѣвницы
И съ первымъ отблескомъ денницы
Намъ искупленье принесетъ.

*

Къ нему навстрѣчу потечемъ
Мы съ громкимъ гуломъ ликованья
И со слезами упованья
Мольбу за спящихъ вознесемъ.

*

И будетъ тихъ глубокій взглядъ
Святыхъ очей Его надъ нами
И надъ склоненными главами
Слова прощенья прозвучатъ.

*

Мы ждемъ: молчитъ глухая ночь,
Но ярче теплятся лампады
И въ сердцѣ вѣянья отрады
Забвенью сна не превозмочь.

СОНЕТЫ.

I.

Ты помнишь?—мы гимны Варунѣ слагали,
Имъ вторили тихаго Ганга струи,
И рощи тѣмъ пѣснямъ безмолвно внимали
И звѣзды, въ волнахъ зажигая огни.

Мы были какъ боги, не знали печали,
Но слезы восторга невольно текли:
Тѣ слезы мы въ волны съ молитвой роняли
И волны ихъ къ лону морскому несли...

Ты помнишь, какъ лотосамъ, стройнымъ и нѣжнымъ,
О счастьѣ людей и боговъ безмятежномъ
Шептала чуть слышно, ласкаясь, рѣка

И лотосъ дрожалъ съ упоеньемъ блаженнымъ,
А въ воздухѣ мѣрно съ напѣвомъ священнымъ
Сливался молитвенный шумъ тростника?

II.

Ты помнишь?—въ странѣ пирамидъ раскаленной,
Гдѣ съ нѣгой роскошною царственный Нилъ
Лобзаетъ и лижетъ волной полусонной
Гранитъ многовѣчный безмолвныхъ могилъ,

Тамъ, помнишь, Изидою жрецъ вдохновленный
Молиться таинственно въ храмъ уходилъ
И падали ницъ мы толпою смущенной
На камни въ дыму благовонныхъ кадилъ?

Подъ скорбныя пѣсни молитвъ покаянныхъ
Тонули мы въ грезахъ туманныхъ и странныхъ,
Но видѣть не смѣли богини лица,

И сфинксы загадочно въ волны глядѣли,
А волны струились къ невѣдомой цѣли
И страхомъ предъ тайной сжимались сердца.

Р. Д. СЕМЕНОВЪ

* * *

Природа спитъ тяжелымъ сномъ,
Томится въ мертвенномъ молчаньѣ,
И давитъ душу какъ свинцомъ
Безсилья тяжкое сознанье...

—

О, какъ хотѣлъ бы я блеснуть
Средь тучъ нахмуренныхъ зарницей,
Ширяя огненною птицей,
Подставя гордо вѣтру грудь,

—

И въ дикой силы упоеньѣ,
Въ слѣпомъ неистовствѣ страстей
Найти минутное забвенье
Душѣ тоскующей моей,

—

Сіяньемъ радостной лазури,
Туманомъ розовой мечты
Смѣнить щемящій трепетъ бури
И шумъ докучной суеты,

—

Или въ томительномъ лобзаньи
Къ устамъ пылающимъ прильнуть
И нѣги сладкой въ обаяньи,
Во снѣ безпечномъ отдохнуть!..

—

Но тщетно все очарованье
Ненужныхъ грезъ и праздныхъ словъ:
Безсилья тяжкое сознанье
Неодолимѣй всѣхъ оковъ.

Гаснетъ вечеръ золотистый,
Блѣдной зорькой догорая.
Тише въ берегъ каменистый,
Пѣнясь, бьетъ волна морская.

*

Съ грустью тайною во взорѣ,
Ты въ молчаніи слѣдила,
Какъ въ сверкающее море
Солнце тихо заходило.

*

Съ безотчетною тоскою
Провожалъ я день печальный.
Ночь спускалась надъ землею,
Меркнулъ тихо западъ дальный,

*

И, все глуше замирая,
Волны стихшаго прибоя,
Съ мѣрнымъ плескомъ набѣгая,
Били въ берегъ подъ скалою.

СТАРЬ говорили, что ночью
Въ бурю-ненастье слышны
Ропотъ, и говоръ, и стоны
Въ безднахъ морской глубины.
Вышелъ я вечеромъ къ морю...
Буря гудѣла надъ нимъ.
На берегъ волны взбѣгали
Съ шумомъ и плескомъ глухимъ.
Ждалъ я, услышу ли сказку,—
Повѣсть минувшихъ вѣковъ...
Море безмолвно шумѣло,
Волны катились безъ словъ...

Небесныхъ сводовъ тьма угрюма
И ночь смятенія полна
И какъ въ бреду средь бури шума
Природа мечется безъ сна.

—

Томится грудь больной тревогой,
Мнѣ сонъ отрады не даетъ,
Въ душѣ усталой думъ такъ много,
И такъ жестокъ ихъ знойный гнетъ...

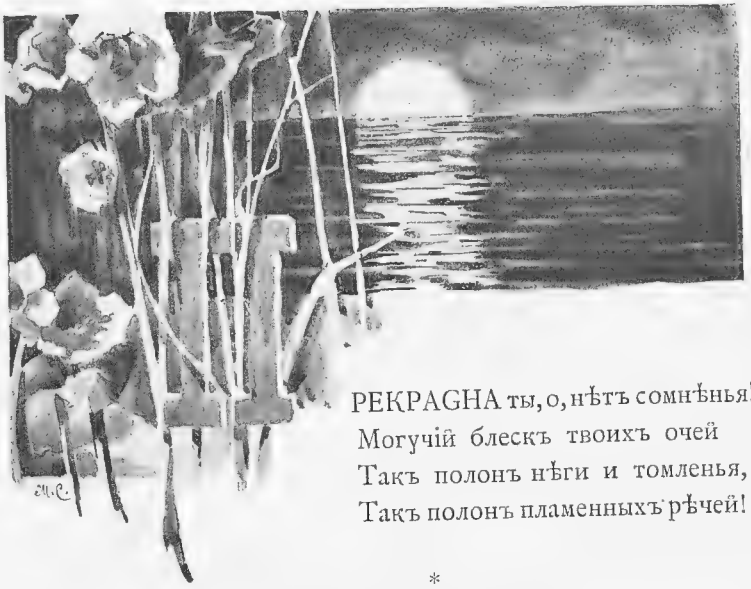
—

Но я люблю твое томленье,
О ночь,—немолчный ропотъ твой,
И имъ рожденное волненье
И смутныхъ грезъ мятежный рой;

—

Люблю душевный этотъ трепетъ,
Какъ рокотъ плещущихъ зыбей,
Какъ въ этомъ вихрѣ быстрый лепетъ
Неумолкающихъ вѣтвей.

Б. С. СЕРАФИМОВЪ



Прекрасна ты, о, нѣтъ сомнѣнья!
Могучій блескъ твоихъ очей
Такъ полонъ нѣги и томленья,
Такъ полонъ пламенныхъ рѣчей!

*

Въ роскошныхъ чарахъ сновидѣній,
Въ туманѣ пламенной мечты,
Среди измѣнчивыхъ видѣній
Царишь и властвуешь лишь ты!

Е. Г. ТИКТИНЪ

Слезы вновь томятъ и накипаютъ
И прожечь тюрьму свою хотятъ,
Всѣ мечты, всѣ грезы оживаютъ,
Жгутъ, ласкаютъ, дразнятъ и манятъ.

—

Какъ волной нахлынувшей захваченъ,
Потерялъ я землю подъ собой...
Неужели свѣтлый міръ утраченъ,—
Міръ надеждъ и радости земной?

—

Неужели никогда не буду
Я молиться больше — никогда —
И тебя навѣки позабуду,
Тихая, далекая звѣзда?

Прости мнѣ сонъ у ногъ твоихъ,
Мой лучшій въ жизни сонъ!
Прости, прости мнѣ этотъ стихъ:
Вѣдь отзвукъ сердца онъ!

*

Когда бъ могла ты посмотрѣть
Хоть разъ въ глаза свои,
Ты не могла бы не запѣть
Отъ нѣги и любви.

*

Твое сіянье — мнѣ законъ,
Звѣзда небесъ моихъ!
Прости мнѣ мой безгрѣшный сонъ
И этотъ скверный стихъ...

Послѣдній сонъ меня покинулъ,
Послѣдній сонъ и лучшій сонъ,
И вѣтеръ тучами задвинулъ
Мой блѣдный, тихій небосклонъ.
Неизъяснимыя стремленья,
Земной любви порывъ живой,
Ночей безумныя видѣнья,
И дѣтскій бредъ, и увлеченья—
Теперь оставлены за мной.
Послѣдній сонъ — любви признанье,
Мечты о дальней сторонѣ —
И отъ него въ воспоминанье
Похмѣлья жгучее страданье
Одно, увы, осталось мнѣ...
Умри жъ, ненужная надежда,
Ищи въ другихъ себѣ пріютъ!
Долой, нарядная одежда!
Для сердца будни настаютъ...

Такъ пусто, холодно кругомъ
И тяжело въ душѣ усталой:
Ей не дано забыться сномъ,
Хотя бы въ грезѣ запоздалой,
Хотя бы въ мысляхъ о былomъ...
Такъ пусто, холодно кругомъ...

Но отчего, когда мятелью
Пахнетъ отъ жизни ледяной
Въ мою монашескую келью,
Въ тайникъ души моей больной,—
Въ ней что-то робко зарыдаетъ,
Струна живая задрожитъ—
И сердце биться начинаетъ,
Любя, прощая, воскресаетъ
И кроткій миръ его живитъ?..

Когда, въ бездѣйственномъ покоѣ,
Душа на міръ глядитъ
И ни одно желанье злое
Ея не тяготитъ,

*

Когда всѣ мысли и всѣ цѣли
Звѣрей, боговъ, людей,
Отъ ихъ предвѣчной колыбели
До нашихъ смутныхъ дней,

*

Стоятъ, невѣдомой рукою
Открыты предъ тобой,
И ты привѣтствуешь слезою
Весь этотъ міръ живой,—

*

О, есть ли пламя горячѣе
Огня въ твоей крови
И чувство чище и сильнѣе
Всевидящей любви?

Тревожной дрожью полонъ воздухъ ночи.
Далекихъ звѣздъ мерцающія очи
Чаруютъ душу свѣтлою мечтой.
Мнѣ хочется съ молчаньемъ ночи слиться,
Въ сіяньи звѣздъ безслѣдно раствориться,
Дышать единой съ ними красотой.

—

Мнѣ хочется сидѣть съ тобою рядомъ,
Глядѣть на міръ твоимъ незлобнымъ взглядомъ,
Твоей душой обнять его, любя,
Во всѣ края послать благословенья
И безъ конца въ огнѣ самозабвенья
Съ лучами звѣздъ молиться на тебя!

Въ роскоши пестрыхъ ковровъ
Грозный султанъ отдыхаетъ.
Нѣга восточныхъ духовъ
Грезы ему навѣваетъ.

*

Какъ-то безпомощно бьютъ
Звучныя воды фонтана,—
Точно изъ бездны поютъ
Вѣчныя строки Корана.

*

Куполъ небесный томитъ
Страстною нѣгою зноя.
Солнце лучемъ золотитъ
Сонныя щеки героя.

А. О. УЛЬМАНЪ

Коль вьюга со стономъ и съ воемъ
По улицамъ снѣжнымъ идетъ
И въ воздухѣ зимнемъ снѣжинокъ
Безпомощныхъ стаи мететъ,

—

Люблю передъ жаркимъ каминомъ
Бушующей вьюгѣ внимать

И въ красныхъ, пылающихъ угляхъ
Картины былого искать,

—

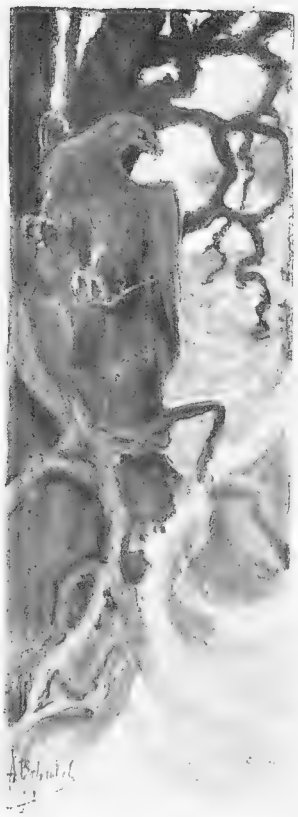
За тканью волшебныхъ растеній,
Что̀ вывелъ на стеклахъ морозъ,
Уютно мечтамъ предаваться
И нѣгѣ несбыточныхъ грезъ!

Лишь только тебя я увидѣлъ—
И сказкамъ повѣрилъ я вновь,
Какъ вѣрилъ имъ въ дѣтствѣ когда-то,
По сказкамъ лишь зная любовь:

Я вѣрю, что сказочнымъ феямъ
Возможно являться межъ насъ,
И только не вѣрю, что краше
И раньше такъ было хоть разъ.

М. А. ФРЕНКЕЛЬ

ГРЕЗЫ.



Залеталъ я въ царство счастья,
Въ край любви я видѣлъ путь,
Гдѣ и воздухомъ ненастья
Беззаботно дышитъ грудь,

Гдѣ отъ края и до края,
Свѣтлыхъ радостей полна,
Вольно плещетъ страсть людская,
Какъ весенняя волна,

Гдѣ, вдали отъ бѣдъ и шума,
И могуча, и смѣла,
Горделиво рѣетъ дума,
Какъ орлиный взмахъ крыла,

Гдѣ для мысли нѣтъ запрета,
Гдѣ для сердца нѣтъ цѣпей,
Гдѣ сбылися для поэта
Грезы свѣтлыхъ юныхъ дней!

Тамъ бывалъ я... Но довольно:
Въ сердцѣ, полномъ жгучихъ мукъ,
Такъ томительно, такъ больно
Отдается счастья звукъ!

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Od. III, 13.

Источникъ Бандузскій, кристалла яснѣй,
Достойный вина и цвѣтовъ,
Пожертвованъ будетъ богинѣ твоей
Козленокъ со знакомъ роговъ

*

Растущихъ, что̀ игры сулятъ и любовь,
Но тщетно: студеный каскадъ
Твой ярко окраситъ горячая кровь
Потомка рѣзвящихся стадъ.

*

Палящаго лѣта полуденный зной
Не сушитъ твоихъ родниковъ,
Поишь и стада ты своею струей,
И съ плугомъ усталыхъ воловъ.

*

Прославься жъ не меньше источниковъ всѣхъ,
Какъ рощу мой стихъ воспоетъ,
На скалахъ пещеристыхъ взросшую тѣхъ,
Откуда струя твоя бьетъ.

Д. Н. ФРИДБЕРГЪ

УЧИТЕЛЯМЪ.

О хилые, слѣпые пастухи!
Разсыпавшись по всѣмъ дорогамъ,
Бредете вдаль, оставленные Богомъ,
И горьки вамъ младенчества грѣхи.

Струится жизнь, какъ мутная вода,
Въ рукѣ дрожитъ ненужный, ветхій посохъ, —
Ему ль согнать смятенныя стада
На плоскогорьяхъ, на откосахъ?

Стада бѣгутъ — владыка нуженъ имъ!
Стада бѣгутъ—безъ имени, безъ счета...
Гнететъ ихъ ночь, гнететъ, какъ горькій дымъ,
Однообразная забота...

Но нѣтъ владыкъ и нѣтъ призывныхъ словъ,
Въ напѣвахъ нѣтъ забвенья и отрады:
Вдали отъ стадъ, унылыхъ пастуховъ
Бредетъ озлобленное стадо.

Жестокъ ихъ путь. Томятся, не признавъ
Въ полночной мглѣ творящихъ силъ потока,
Въ мерцаньи звѣздъ—божественнаго ока,
И голосъ ихъ—не мощный гласъ пророка,
Но шелестъ пожелтѣвшихъ травъ.

Въ холодномъ воздухѣ гудитъ, не умолкая,
Церковный звонъ,
Пушистыхъ бѣлыхъ тучъ бѣгутъ по небу стаи
Со всѣхъ сторонъ,

—

Упорный вѣтеръ гнетъ деревьевъ темныхъ купы,
Шумитъ листомъ,
А море, въ ладъ ему, бѣлѣя, бьетъ въ уступы,
Въ порывѣ зломъ.

В. Н. ХРУСТАЛЕВЪ

Ы слышалъ,
въ часъ, когда
ночная мгла
Спуститься ужъ го-
това безучастно,
Съ какой тоской тревожною и страстной
Надъ городомъ звонятъ колокола?

*

Въ гармоніи печальной ихъ созвучій
Таится жизнью вымученный стонъ!
Но не всегда такъ грустенъ этотъ звонъ:
Есть красный звонъ, торжественный, могучій,

*

Несется онъ во всю земную ширь,
Безъ удержу, какъ древній богатырь,
И всякъ его привѣтствуетъ поклономъ,

*

И рвется онъ, и мчится безъ конца,
И льется радость въ русскія сердца
Съ ликующимъ, побѣднымъ краснымъ звономъ!

Родного сѣвера печальная весна...
О, сколько въ ней тоски, неясной и туманной!
О, какъ томительно тревожитъ насъ она
Своею красотой задумчивой и странной!

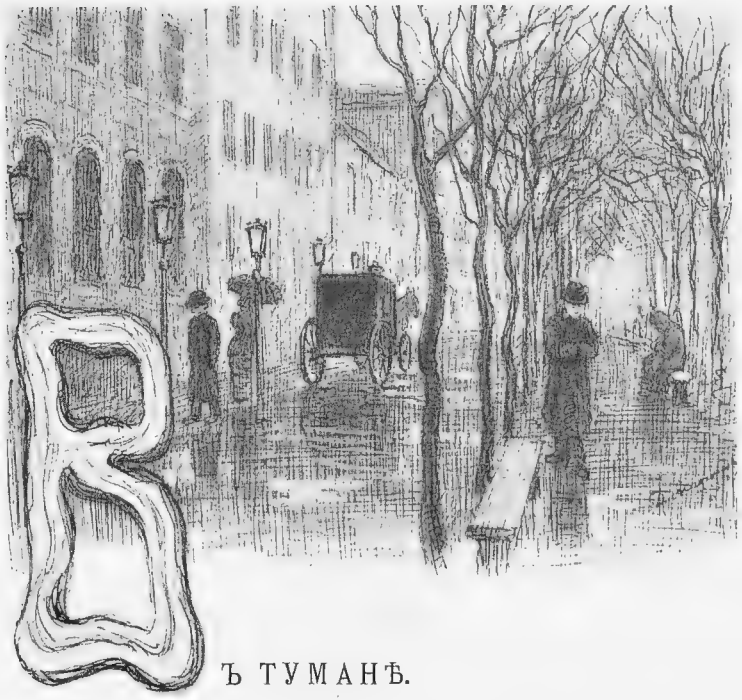
Съ какою нѣгою безсонною глядятъ
Намъ въ окна свѣтлыя, мечтательныя ночи!
Какъ будто въ сердце льютъ любви унылый ядъ
Больной красавицы заплаканныя очи.

Я люблю этотъ вальсъ, этихъ паръ оживленныхъ мельканье,
Эту музыку струнъ и дыханье душистыхъ цвѣтовъ:
Съ ними въ сердце мое проникаютъ былыя мечтанья,
Отголоски давно позабытыхъ и странныхъ стиховъ.

Какъ печальны они, эти призраки страсти безплодной!
Какъ люблю я порой этихъ спутниковъ грустныхъ моихъ!
Помню я, какъ въ борьбѣ, замирая въ тоскѣ безъисходной,
Ихъ живительный гимнъ въ моемъ сердцѣ навѣки затихъ!

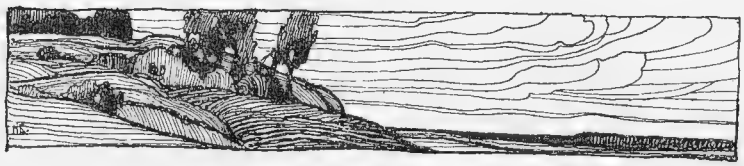
Такъ безъ нихъ я усталъ, такъ мнѣ жаль этихъ сновъ безвозвратныхъ,
Такъ влечетъ меня вновь прежней страсти томительный жаръ,
Что мучительны мнѣ и дыханье цвѣтовъ ароматныхъ,
И порхающій вальсъ, и круженье мелькающихъ паръ.

А. А. ЧЕРКАСОВЪ



Ъ ТУМАНѢ.

Кругомъ палатъ—нѣмое запустѣнье,
Сырая мгла на улицахъ виситъ,
Сѣдой туманъ царитъ какъ наважденье
И мелкій дождь несносно мороситъ.
Полярный день!..—
Въ душѣ—изнеможенье,
Глухая боль на сердцѣ залегла—
И хочется палящей солнца ласки,
Весны, цвѣтовъ, лѣсовъ волшебной сказки,
Любви, и грезъ, и пѣсенъ, и тепла!



Вы знаете старый утесъ,
Стоящій, какъ стражъ, у селенья:
Теперь онъ травою поросъ,
Повсюду печать запустѣнья...

*

Вы слышали, вѣрно, — давно
Была здѣсь святая обитель,
Гдѣ сѣялъ спасенья зерно
Отшельникъ, святой просвѣтитель.

*

Сюда православные шли
Со сладостной данью молитвы;
Воитель, въ крови и въ пыли,
Сюда укрывался изъ битвы.

*

Но годы незримо текутъ:
Обитель давно запустѣла,
А вражье насилье и тутъ
Забвенья докончило дѣло.

*

Дремучій таинственный боръ
Скрываетъ нагія вершины,
Потока живой разговоръ
Тревожитъ молчанье долины,

*

Спокойно заходятъ стада
На мшистые горные склоны,
Ночами о чемъ-то всегда
Шумятъ многолѣтніе клены,

*

И сладко поютъ соловьи,
И звѣзды горятъ безмятежно,
И шепчутъ задумчиво, нѣжно
Рѣки голубыя струи.

Б. Я. ШНЕЙДЕРЪ

Весной повѣяло, цвѣтущею весною,
Весь оживаетъ міръ для новыхъ сладкихъ грезъ,—
Зачѣмъ-же сердце вновь сжимается тоскою?
Зачѣмъ-же на глазахъ остатки прежнихъ слезъ?

—

Не я-ли къ новому такъ пламенно стремился?
Не я-ль вчера еще былъ жертвой зимнихъ вьюгъ?
Или не все прошло? Иль въ сердцѣ вкоренился
Навѣкъ мой гибельный недугъ?

—

Нѣтъ, малодушіе минутное,— довольно:
Весну привѣтствуя, всѣ силы соберу,
И пусть настанетъ ночь, и пусть мнѣ будетъ больно,
И пусть воскресну я душою по утру!

КРЫЛЬЯ ЛЮБВИ.

ДРУГЪ МОЙ, пускай тебѣ крылья скрѣпитъ
Не воскъ, а свободная вѣра,—
Тогда и не дастъ намъ несчастный Икаръ
Примѣра,

*

Примѣра тому, что лучи не для насъ,
Что къ солнцу намъ путь не подъ силу
И въ гордой попыткѣ находитъ смѣльчакъ
Могилу.

*

На крыльяхъ любви понесемся съ тобой
Надъ бурною бездною моря,
Домчимся вдвоемъ до желанныхъ вершинъ
Безъ горя!

*

О, крылья любви! Нѣтъ преграды для васъ!
Вы къ жизни, вы къ свѣту несете...
А сколько блаженства, и счастья, и грезъ
Въ полетѣ!..

КЪ МОРЮ.

О море, помню часъ: прощался я съ тобой...
Дулъ легкій вѣтерокъ. Въ таинственный покровъ
Одѣлось ты тогда и міръ волшебныхъ сновъ
Спустился и тебя сокрылъ во тьмѣ ночной.

—

Но вотъ изъ-за скалы красавица луна
Взошла на ровный путь безоблачныхъ небесъ
И ты предстало мнѣ, полно̀ своихъ чудесъ,
Лишь на тебя свой лучъ направила она.

—

Ты отражало цѣпь нагихъ прибрежныхъ скалъ
Серебряной волной ласкаясь къ берегамъ,
Алмазы брызгами катя къ моимъ ногамъ.
И лучъ луны въ тебѣ струился и игралъ,

—

Молочной пеленой туманъ стоялъ вдали,
Въ туманѣ призрачно терялся лунный блескъ,
Но ясно слышалось, какъ тихій, нѣжный плескъ
Лобзалъ далекій край невидимой земли.

—

Дышало все кругомъ ночною тишиной.
Лишь изрѣдка, какъ сонъ, ко мнѣ издалека
Неслись тоскливые напѣвы рыбака,
Да парусъ трепеталъ, склоняясь надъ водой.

С. В. фонъ-ШТЕЙНЪ

Не здѣсь, въ обманахъ суеты,
Гдѣ все загадочно и ново,
Таятся вѣщія мечты,
Любви живительное слово:

*

Бѣги за ними въ глушь степей,
На грудь цѣлящую природы,
Гдѣ ближе сердцу и слышнѣй
Дыханье творческой свободы.

«Пѣснь пѣсней». III, 1—3.

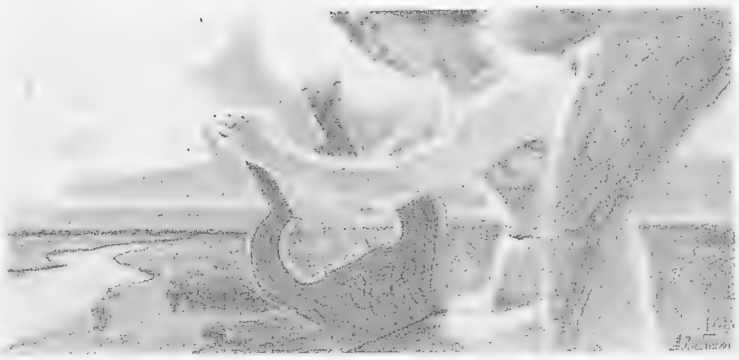
Насталъ печальный день разлуки...
Тревогу страсти заглуши,
Тая ревниво слезы муки
Въ туманахъ меркнущей души.

—

Не красота любви нетлѣнной
Смутитъ властителя покой:
Тебя отвергнетъ онъ надменно,
Сгарая праздною тоской!

—

Надежда гордая разбита,
Мечты развѣяны, какъ дымъ...
Склонись покорно, Суламита,
Предъ повелителемъ своимъ.



Догорѣла заря золотая.
Въ безотрадномъ сознаньи безсилья
Опустились, дрожа, замирая,
Вдохновенья усталаго крылья.

*

Я смотрю безъ любви, безъ участья,
На заботы и радости міра:
Миновало недолгое счастье,
Замолчала невнятная лира!..

ПАМЯТИ ⁂

Была пора: чудесной силой
Ты пробуждалъ сердца къ борьбѣ...
Теперь надъ брошенной могилой
Никто не плачетъ о тебѣ.

—

Давно угасъ во тьмѣ загробной
Глубокій взоръ твоихъ очей,
И смѣхъ, веселый и незлобный,
И звуки вдумчивыхъ рѣчей,

—

И ты забытъ въ порывахъ бури,
Въ докучныхъ толкахъ суеты,
Какъ отблескъ радостной лазури,
Какъ эхо пламенной мечты.

Умирали цвѣты, увядая.
Отуманена злою тоской,
Погружалась природа нѣмая
Въ безотрадно унылый покой.

*

Колыхали плакучія ивы
Помертвѣлую зелень вѣтвей,
Не сверкали излучинъ извивы
Не журчалъ охладѣлый ручей,

*

Журавлей улетали станицы
Въ океаны лучей золотыхъ
И тревожно мерцали зарницы,
Отражаясь во взорахъ твоихъ

Неслись чарующіе звуки
И грустно таяли въ тиши,
Какъ слезы горькія разлуки,
Какъ стонъ тоскующей души.

—

И мнѣ приснились тѣни ночи,
Мерцанье блѣдное свѣчей,
Ея задумчивыя очи,
Отрада трепетныхъ рѣчей,

—

Любви невѣдомыя муки,
Луна, нѣмые камыши...
Неслись чарующіе звуки
И грустно таяли въ тиши.

ПОЭТУ.

Когда тупые клики черни,
Слагая радостный привѣтъ,
Позорятъ часъ его вечерній,
Мнѣ жалокъ суетный поэтъ.

*

Покинулъ онъ родныя нивы,
Завѣты кроткой старины,
Имъ сердца лучшіе порывы
Ваалу въ жертву отданы;

*

Нѣмѣютъ пѣсни силы прошлой
И не зовутъ на честный бой—
И дремлетъ въ нѣгахъ жизни пошлой
Пѣвецъ, отмѣченный судьбой...

*

Но вѣщій сонъ его не миренъ:
Его смущаетъ славы чадъ,
Какъ ѳиміамъ нѣмыхъ кумиренъ
Въ тиши упавшихъ колонадъ.

Я былъ одинъ. Размытую дорогу
Заволокла синѣющая тѣнь.
Закатъ угасъ. Въ туманѣ понемногу
Померкнулъ день.

*

Я былъ одинъ въ глуши полузабытой.
Лучистыхъ сновъ искалъ, пылая, умъ —
И не нашелъ, въ тревогѣ ядовитой,
Въ оковахъ думъ.

*

Я былъ одинъ — а небеса сіяли,
Была тиха сверкающая мгла.
Спускалась ночь. Уста мои шептали:
«Ты не пришла...»

Я былъ одинъ. Размытую дорогу...

ПОСЛѢ БОЛѢЗНИ.

Очнулся я...
При свѣтѣ ночника
Чуть различаетъ взоръ привычные предметы
И ловитъ слухъ въ тиши издалека
Унылый бой часовъ... Нѣмые силуэты
Знакомыхъ лицъ мелькаютъ по стѣнамъ,
Какъ боль недавняя, смиряются сомнѣнья, —
И плачу я, о чемъ не зная самъ,
На утренней зарѣ любви и возрожденья.

В. Р. ШУЛЬЦЪ

Богъ, осужденный на распятье,
Къ Голгоѳѣ крестъ свой самъ принесъ,
Испивъ до дна фіалъ проклятья,
Суда, глумленій, мукъ, угрозъ.

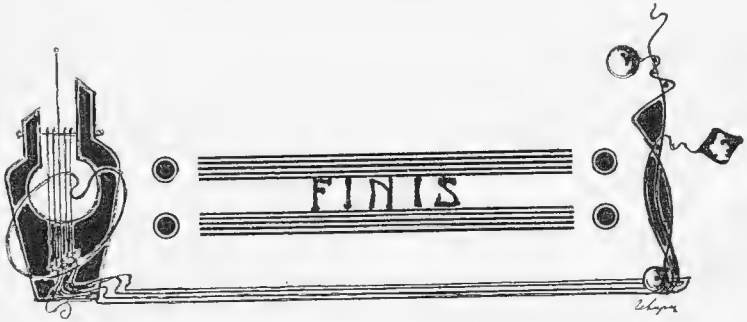
—

Но вновь воскресъ, да смолкнетъ злоба,
Своею смертью смерть поправъ,
Расторгнувъ плѣнъ безсильный гроба
И жизнь умершимъ даровавъ.

ПЯТЬ природа оживилась—
Веснѣ явившейся привѣтъ!
Все птичекъ пѣньемъ огласилось,
Весь міръ цвѣтами вновь одѣтъ,

—

И воздухъ чистъ, и небо ясно,
Въ поляхъ привольно и тепло,
Въ лѣсу такъ сказочно прекрасно
И на душѣ какъ день свѣтло.



[13p]